

ДЖЕФФРИ
БАРТОН

Когда серийный убийца неуловим,
а у профайлера отказывает чутье,
на помощь приходят кинолог с собакой...

ЗАПАХ
СМЕРТИ

Джеффри Бартон
Запах смерти
Серия «След. Триллер о
собаке и ее кинологе», книга 1

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66324422
Запах смерти: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-158251-7

Аннотация

Чикагский кинолог Мейсон Райд и его собаки – настоящие асы в сыском деле, способные отыскать самый малозаметный след. Поэтому полиция часто прибегает к их помощи.

Однажды, исследуя одно из мест преступления, Райд подобрал чудом выжившего щенка золотистого ретривера. И Вира – так он назвал свою новую питомицу – очень скоро стала его любимицей. Такой потрясающе умной и чуткой собаки он еще не встречал...

На улицах Чикаго сеет ужас безжалостный и хитроумный маньяк, за которым давно и безуспешно гоняется вся полиция города. Он совершил много кровавых убийств, но всякий раз его след словно растворялся в воздухе. До тех пор, пока его не учуяла Вира. Кинолог и собака подключаются к охоте на монстра. Однако если долго смотреть в бездну, то бездна начнет смотреть в тебя.

И теперь у них появился смертельный враг – враг, который не остановится ни перед чем...

Содержание

Благодарности	6
Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	23
Часть II	36
Глава 4	37
Глава 5	47
Глава 6	53
Глава 7	58
Глава 8	66
Глава 9	70
Глава 10	72
Глава 11	74
Глава 12	80
Глава 13	90
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Джеффри Бартон

Запах смерти

© Шабрин А.С., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство Эксмо», 2021

* * *

Баррелу – чемпиону по перетягиванию всего подряд, любителю фрисби образцовому чау-хаунду и первейшей собаке, о которой может только мечтать ребенок

Собака наделена душою философа.
Платон

Благодарности

Хвала размером с английского мастифа моему агенту Джилл Марр из «Литературного агентства Сандры Дейкстры», взявшей на себя собачий труд по поиску дома, подходящего для этого моего кутенка. Долг благодарности размером с датского дога перед Даниэлой Рапп – старшим редактором «Сент-Мартин пресс», протащившей рукопись по бессчетным собачьим площадкам, чтобы та стала поджарей, бойчей и проворней, да еще и веселого нрава. Прочим редакторам, что грызли роман зубами: среди них Джилл Марр и Дерек Макфадден от «Сандры Дейкстры», редактор-копирайтер Сара-Джейн Герман из «Сент-Мартин пресс» и, как всегда, мой отец Брюс Бартон. Сердечное спасибо вам всем – вы подвигли меня повилять хвостом!

Часть I

Заход

Собаки любят своих друзей и кусают своих врагов – в отличие от людей, которые неспособны на чистую любовь и всегда вынуждены смешивать любовь и ненависть.

Зигмунд Фрейд

Глава 1

Кристин Дэк изнывала с похмелья.

Свадебный уик-энд в Чикаго по своей безбашенности бесспорно удался. Ну а как могло быть иначе в кругу старых боевых однокашниц? Хотя Сьерра, заметим, не выбрала ее в подружки невесты несмотря на закадычную дружбу в их далекие, незабвенные универовские дни в Миннесоте. И все знали почему. Все-таки Кристин встречалась с Брэдом почти половину их студенчества (весь второй и третий курсы), и Сьерра, по всей видимости, до сих пор относилась к этой теме слегка щепетильно. Само собой: когда речь заходит о женитьбе, вы уже не «подружки-поскакушки». Или как там у парней: «Мы друзей на телок не меняем». Вуаля.

Да и ладно. С дефиле невестиных подружек случился про-

лет, но зато высвободилось больше времени на встречи со старыми друзьями, восполнение пробелов насчет того, кто чем живет и дышит, ну и, само собой, на возлияния шампанским... не говоря уже о танцах ночь напролет.

Воскресная рань застала Кристин за возвращением в Миннеаполис. Ее перламутровая «Мазда Миата» неслась по автострате навстречу понедельнику, на который ее шеф и шефиня шефа назначили семинар-тренинг... и тут Кристин накрыл тошнотный позыв. Свою «Миату» она зигзагом дернула на правую полосу (слава богу, на трассе было свободно и никто не взъялся). Мимо только что мелькнул съезд на Эгг-Ривер; надо было срочно приткнуться к обочине (публичный блев на федеральной трассе – слишком специфичное начало дня), но тут взгляд Кристин ухватил знак зоны отдыха, спасительно плывущий навстречу. «Миата» по свертку скользнула на парковку перед заведением.

Вообще, по-здравому, накануне Кристин не мешало бы урвать несколько часиков сна, но уж больно хотелось возвратиться домой с куском непочатого воскресенья. Предстояло еще подготовиться к понедельничному шоу на арене (то-се, пятое-десятое), а заодно замутить стирку. Ну а потом, на сладкое, остаток дня провести овощем у телика, бездумно поглощая мороженое за отходняком после загула в Городе Ветров¹.

На фоне выпитого ей никогда толком не спалось...

¹ Город Ветров – неформальное название Чикаго.

А уж вчера она набралась однозначно.

К концу вечера шампанское хлынуло, как вода. Ударило, можно сказать, фонтаном.

Слава богу, что в такую рань на стоянке нет машин. Не хватало еще опозориться и развеселить зевак, если не получится вовремя добежать до туалета. Шампанское, льющееся внутрь, куда привлекательней, чем когда рвется наружу.

Кристин приперло в женском туалете. На самом деле ей стоило лишь представить, как суется в горло палец, и разжиженный свадебный пир бабахнул наружу, словно вскрытая нефтяная скважина. Позже, за мытьем рук, лица и шеи, Кристин заставила себя как следует хлебнуть из-под крана, чтобы пресечь обезвоживание и перезапустить циркуляцию жидкостей в организме.

Хорошо, если «аш-два-о» задержится внутри, а не пойдет верхом обратно.

«О боже, я что – до сих пор пьяная? И пять часов дерганого полусна не помогли? Это ж еще и копы могут докопаться!»

В автомате Кристин купила бутылочку 7UP, скрутила крышку и припала всем ртом, отхлебнув по максимуму, то есть примерно четверть стакана. Отрыжка колко отдала в нос – ничего, так еще лучше для трезвости. Выйдя наружу, Кристин заметила черный фургон, припаркованный рядом с ее «Миатой»; сейчас он тылом сдавал к проезжей части. Ого: получается, она *загигалась* довольно долго, если этот фур-

гонщик приехал после нее, успел справиться свои дела и теперь уже отъезжает от заведения.

При виде девушки на входе водитель помахал ей рукой. Такие сценки с парнями у Кристин иногда бывали, но сегодня она ощущала себя явно в некондиционном виде.

Затем она заметила эвакуатор, припаркованный на дальнем краю стоянки. За рулем виднелась одинокая фигура. Черты лица на таком расстоянии не различались, но можно было сказать, что он смотрит в свой смартфон, вероятно, пытаясь определить, откуда ему звонит какая-то заблудшая автомобильная душа.

Кристин сделала еще один глоток 7UP, глядя, как на место, только что оставленное черным фургоном, въезжает и останавливается старый трейлер-«универсал». Вот открылись четыре двери, и наружу высыпала семейка – молодая пара и двое крикливых соплезвонов, по виду первоклашек.

Кристин тронулась в сторону пешеходной дорожки – подальше от бензиновой привони и при этом с надеждой, что напиток подправил запах и аромат ее дыхания. Надежда была и на то, что в женском туалете воздух тоже успел очиститься.

Ей повезло, что в зоне отдыха не оказалось других машин, особенно с тетками. И что никто не притащился прямо за ней по пятам. Кристин подумала об этом в тот момент, когда изогнулась над унитазом в своей кабинке между надсадными приступами избавления от того, что она, казалось, выпи-

ла за всю свою жизнь. Но из-под кромки не проглядывало никаких посторонних ног. Слава те господи...

Глаз любителей пеших прогулок радовала вывеска о километровом терренкуре по прилегающей природе. Шикарно. Можно спокойно дососать бутылочку, нюхнуть свежего воздуха (если воздух автострады можно считать таковым) и прорыгаться не хуже призовой свиноматки. Никто не услышит, а если разбалансированный желудок пойдет на второй круг, то можно будет беспрепятственно удобрить траву и кустики этого конкретного района Иллинойса своим биоматериалом: берите, не жалко. Этот моцион еще и поможет протрезветь, чтобы никто не дай бог не стопорнул ее на трассе (представляете звонок из какого-нибудь медучреждения Иллинойса на работу? «Я, мол, на презентации завтра не появлюсь, потом все объясню»).

Сойдя с дорожки, Кристин пересекла газон к началу терренкура. И тут воспоминание о том, что произошло на исходе минувшей ночи, шарахнуло ее с гулким грохотом товарняка.

О боже. Боже. *Бо-же...*

Сердце, ухнув, замерло в горле. Ее снова чуть не вырвало, но теперь не от тошноты, а скорее от воспоминания. Кристин вспомнила, как улизнула из банкетного зала «Ритц-Карлтон», воспользоваться дамским туалетом в одном из коридоров отеля. Выходя, она поймала на себе взгляд Брэда.

Оба улыбнулись, словно заговорщики своей общей тайне.

А когда Кристин вышла из туалета, Брэд стоял и ждал ее. – Я по тебе скучал, – сказал он.

Кристин без слов подошла и, тронув ему щеку кончиками пальцев, прильнула поцелуем к его губам. Их языки соприкоснулись и ласково сплелись. Она ощутила у себя во рту жар его дыхания.

После нескольких секунд тихой близости Кристин оставила Брэда онемело стоять и направилась обратно по коридору, в конце которого стояла ее закадычная подруга по универу. Сьерра... вся в белом, руки на бедрах, слезы на глазах.

Мимо своей старой подруги Кристин прошла, даже не моргнув; она ее как будто даже не заметила, словно ее там не было, и быстро зашагала к лифтовому холлу, поднявшись оттуда к себе в номер.

Свою прогулку на природе Кристин начинала больной и разбитой сразу в нескольких смыслах. В таком ужасе от своих «припоминаний», что не оглянулась и не заметила, как из эвакуатора на стоянке вышел водитель и направился за ней следом.

В другой раз Кристин, возможно, заметила бы несколько простых деталей.

Мужчина был белым, среднего возраста. Метр восемьдесят или чуть повыше. Килограммов семьдесят пять – восемьдесят. Каштановые волосы, залысины с боков. Намечающееся брюшко.

Общий вид неприметный. Легко забываемый.

«Невидный во всех смыслах этого слова, – заметила бы, наверное, Кристин. – Черт возьми, – сказала бы она, – по мне, так все они на одну морду».

На своем понедельничном тренинге в Миннеаполисе Кристин Дэк так и не появилась.

А ее «Мазда Миата» через пару недель объявилась в Милуоки.

Глава 2

Диспетчер сообщал о самоубийстве.

Формально офицер Киппи Гимм и ее напарник Дэйв Вабишевски направлялись в таунхаус Форест-Глен для проверки бытовых условий, но в дополнительном сообщении от оператора 911 Гимм все прочла между строк. Жильцом таунхауса был некто Скотт Грейнджер – белый, сорока двух лет, рост 183, вес 81,6 (в досье, кстати, два вождения в нетрезвом виде, последнее еще в производстве). Пьянка за рулем – это ладно, а вот статистика самоубийств среди мужчин нынче была почти в четыре раза выше, чем у женщин, причем в последние годы мужчины среднего возраста стали опережать своих более молодых собратьев, как будто намеренно рвались к максимальным показателям.

Но не статистика и не проблемы с алкоголем, и не то, что Грейнджер не брал трубку, отклоняли стрелку от рутинной проверки. Не за этим они с Вабсом отправились к какому-то заброшенному обормоту, хлебающему за полночь свое крепленое в тоскливых раздумьях об упущенной жизни, непройденных дорогах и в эсэмэсках друзьям, с которыми еще не успел разосраться, о желании покончить со всем этим.

Подлинной причиной отклонения Гимм и Вабишевски стал звонок от соседа Грейнджера. Полуночник Менкен, обитающий через стенку, поднялся на ночной шмон свое-

го холодильника с просмотром ночного ТВ, когда вдруг слышал какую-то гудящую вибрацию – из гаража, что ли... Неужто он лоханулся и не заглушил свою лайбу, взясь с мешками из магазина? Видно, гамбургеры-фигамбургеры так занимали его ум, что он оставил машину включенной. Менкен кинулся проверять – но это оказался не его «Бьюик Спортбэк». Значит, все-таки не сбрендил. Тем не менее жужжание и вибрация по-прежнему доносились; более того, они стали громче и исходили определенно от соседа. Менкен нажатием кнопки поднял дверь своего гаража и выбежал наружу, где вышел на подъездную дорожку Грейнджера и приложил там ухо к его гаражной двери.

Да, машина внутри определенно работала, причем уже бог весть сколько.

А это означало выхлопы угарного газа. Не в силах поднять дверь соседского гаража (не сдвинулась ни на йоту), Менкен еще минутную вечность тарабанил к соседу в дверь, после чего побежал обратно к себе и набрал 911.

Для Киппи Гимм это был как раз последний день ее годового стажерства в ДПЧ – Департаменте полиции Чикаго – так что, безусловно, надо было это дело после смены чуток отметить. Скажем, пропустить по пивку в «Гэмблерс», для настроения. Возможно, что и посостязаться с Вабсом в дартсе. Гимм с Вабишевски патрулировали по 17-му району, от Олбани-парк до Норт-Пуласки, и с поступлением вызова зажгли мигалку и помчались на Форест-Глен, благо ехать было

недалеко.

Перед домом их патрульную машину встретил пухлячок в серых трениках и шлепанцах на босу ногу. Взволнованно машина одной рукой, другой он указывал на дверь гаража Грейнджера. После короткого выяснения с полуночником Вабс поспешил к входной двери, а Гимм, обойдя патрульную машину, достала из багажника пожарный ломик.

– Я волнуюсь за женщину с мальчиком, которые там живут. – Менкен кивнул на жилище соседа.

Киппи приостановилась.

– Грейнджер был женат?

– Не знаю... может, типа подружка. Они здесь с сыном уже с месяц квартируют. – Менкен указал на одинокий автомобиль на подъездной дорожке. – Это «мерс» Грейнджера, так что в гараже у него, думаю, стоит старый «шевик», потому так и рычит на холостом ходу. Эти старые пикапы без конвертеров дают выхлоп еще более ядовитый.

В соседе Грейнджера угадывался фанат шестеренок-карбюраторов не меньший, чем отец Киппи Гимм.

– А на чем ездит эта его подружка?

– Синий «Форд Фиеста», – без запинки ответил Менкен. – И я молю бога, чтобы он не стоял в гараже вместе с тем «шевиком».

Орудие взлома входной двери оказалось уже не нужно: вошедший в образ мачо Вабишевски вломился в дом со второго удара ногой в косяк.

Внутри оба копа проскочили по гостиной и мимо ступенек, ведущих на верхний этаж, забежали в пустую кухню. Центральный остров венчала бутылка «Джек Дэниэлс», почти пустая. Раковина напоминала слоновье кладбище, куда уходят умирать отжившие свое бутылки «Короны». Впрочем, кухня оказалась не пуста: возле острова на полу обнаружился хозяин – Скотт Грейнджер, морской звездой распяленный на полу возле опрокинутого табурета.

– Я к гаражу! – бросила Киппи, вся в мыслях о женщине и ее сыне. Грейнджера она переступила, а над простертой фигурой присел на корточках Вабс.

Гимм рывком распахнула дверь, нащарила клавишу выключателя и, включив свет, кинулась к тарахтящему в гараже пикапу (к счастью, «Шевроле» стоял здесь один). В следующую секунду у ближней стены она заметила щенка золотистого ретривера. Собачонка валялась на груде старых одеял, с приоткрытой пастью и пятнами, по всей видимости, рвоты на цементном полу.

Пока дверь гаража, повинуясь нажатию кнопки, ползла вверх, Киппи не сводила глаз с пикапа. Дернув на себя дверцу, она сунула руку в кабину и заглушила мотор. Беглый догляд показал, что машина пуста. После этого Киппи задумчиво остановилась над кремово-золотистым щенком, свившимся и переплетенным с одеялом.

Безмолвный и квельый, ни дать ни взять свалывшееся полотенчико.

Неподвижный.

Аж сердце сжимается.

За год своей работы в полиции Киппи Гимм довелось пару раз быть свидетелем грабежей на дороге (это ж все-таки Чикаго). Однажды она наложила жгут на руку пятилетней девочки, единственной оплошностью которой оказалось сидеть на заднем сиденье переживавшей светофор машины, когда рядом на полосе остановились бандиты. Видела она и человека, сгоревшего заживо у себя в кабине, когда пожарные из-за жары не смогли пустить в ход «челюсти жизни»². Был еще случай, когда Киппи Гимм с Вабсом прибыли по вызову в дом престарелых, где сочащийся из-под одной из дверей специфический запах проник в коридор, становясь непереносимым для ближних соседей, которые довели это до сведения управляющего. Это была комнатка пожилой женщины, вдовы, которую не видели уже по меньшей мере неделю и которая, понятное дело, не отвечала ни на звонки, ни на стук в дверь, и тогда все жильцы, включая управляющего, поняли, что все это значит.

Сложилось так, что Киппи Гимм с давних пор была неравнодушна к собакам; с того самого дня, когда отец доверил ей дать имя щеночку бульдога (она назвала его Рокко), которого папа принес Киппи и ее старшей сестре в канун Рождества. Загруженность копа с содержанием домашних питом-

² «Челюсти жизни» – пневмоустройство, раздвигающее искореженные части автомобиля, давая спасателям доступ к жертвам автокатастрофы.

цев, увы, мало совместима, но Киппи рассудила, что если когда-нибудь выйдет замуж, то в их семейном клане непременно будет один или два четвероногих. Стоит ли говорить, как она обожала заботиться о Зи-Зи и Еве, двойняшках-шпицах ее сестры, когда та с семьей уезжала в отпуск.

Пожалуй, если сегодня они с Вабсом успеют в «Гэмблерс» до закрытия, придется принять на грудь что-нибудь покрепче, чем пиво.

Киппи вернулась в дом, по пути обогнув Вабса, который все еще пытался вернуть Грейнджера к жизни, и пробежалась по оставшимся комнатам, превратив обыск в упражнение по кардиостимуляции (как раз способствует снятию стресса после увиденного в гараже). Меньше чем за минуту она прочесала две спальни – хозяйскую и гостевую, – а также гостиную в цокольном этаже и прачечный закуток. Больше в доме никого не оказалось – ни женщины, ни сына. Жилье выглядело в целом опрятным, прибранным, если не считать осколков стекла и россыпи мелочи на деревянном полу в кабинете Грейнджера.

По всей видимости, здесь что-то произошло.

Миновав кухню, Гимм через выбитую переднюю дверь вышла из дома, спустилась по подъездной дорожке и направилась к растревоженному соседу.

– Вы знали, что у них есть собака?

– Собака? – встрепнулся Менкен. – Ах да, ко мне недавно вечером заглядывал мальчонка, показать щенка... Тот у них,

видно, недавно появился.

Киппи Гимм поблагодарила его за усилия, сообщила дурную весть о ретривере, а также что к Грейнджеру выехала «Скорая».

Менкен кивнул и залопотал насчет того, что Грейнджер всегда был типом странным – нелюдимым, тихушником, но при этом, если судить по их встречам после заката, ночным гулякой. Пошло бла-бла-бла насчет вредных вибраций и о том, что у Грейнджера что-то то и дело просачивалось на поверхность.

Киппи слушала вполуха, оглядывая двор, подъездную дорожку, улицу – все что угодно, только не открытый гараж Грейнджера. Когда Менкен остановился перевести дух, она повернулась к нему, еще раз поблагодарила за помощь и предостерегла, чтобы тот на обратном пути не заглядывал в гараж Грейнджера, чтобы не видеть ту крайне неприятную – просто жуткую – картину, забыть которую не так-то просто.

Менкен топтался еще с минуту; из-под толстовки у него выглядывал пуп, словно сурок, исподтишка ищущий свою тень. Вид у Менкена был мрачноватый: ясно, что эта деваха-коп дает ему укорот. Тем не менее предостережению он внял и ушел к себе не оглядываясь.

Вообще такой резкости этот добрый самаритянин не заслуживал. Он действительно сделал доброе дело, но уж очень хотелось поскорей услышать о Скотте Грейнджере.

Вабс появился через пару минут.

– Бесполезно. Ничего не смог сделать. Думаю, Грейнджер по какой-то идиотской причине травил собаку газом, но при этом надышался сам: смерть просочилась через дверь.

– Вот и поделом, – буркнула Киппи. – Вселенская справедливость.

Вабишевски ничего не ответил.

Киппи Гимм обернулась и посмотрела на гараж с недвижимой грудой одеял и золотистого меха. Уже слышна была сирена приближающейся «Скорой». Гимм провела рукавом по глазам и... *чего-чего?*.. Там что-то шевельнулось.

– Вабс, – выдохнула она, хватая напарника за плечо. Тот резко обернулся и посмотрел в направлении взгляда Киппи. – О-па. Что за чертовщина?

Сначала было ощущение, что это игра теней. Сама импровизированная подстилка, казалось, извилисто подергивается, но вот картина стала четче: из кучи одеял выпутался одинокий щенок и, повалявшись на боку, кое-как поднялся и заковылял к подъездной дорожке, приближаясь на четырех шатких лапах к полицейским.

Невероятно. Просто отвал челюсти.

Киппи быстрыми шагами подошла к гаражу и присела на корточки, встречая приближение песика.

– Все в порядке, медвежка, – шепнула офицер Киппи Гимм, протягивая руку.

Песик робко лизнул полицейский палец. Гимм взяла щеночка на руки.

– Медвежка, все в порядке, – повторила она, почесывая его за ушами. – Все будет хорошо.

А тут и «Скорая» подъехала.

Глава 3

– Мейс, та дама из полиции все звонит и звонит. – Пол Льюис руководил Чикагским центром по контролю и уходу за животными. – Говорит, что очень загружена по работе, но возьмет того золотистого ретривера, если никто другой не изъявит желания.

Я в ответ кивнул.

Пол не унимался:

– Я сказал ей, что сегодня к нам зайдет заклинатель собак.

Я посмотрел с осуждением:

– Пол, я тебя заклинаю: перестань меня так звать.

Мы с ним вращались на одной орбите собаководства. У меня была школа дрессировки собак, и, наверное, половину моего дохода составляла работа на город.

– Да перестань. Это облакает тебя ореолом таинственности.

– Ага. В форме кондома.

– Не скромничай.

– Так что там, черт возьми, произошло? – спросил я, до этого получив на телефон лишь сжатую информацию о жестоком обращении со щенком ретривера.

Пол протянул мне распечатку скана:

– Вот. В основном это от женщины, которая жила в таунхаусе, ну и, конечно, из полицейского протокола.

На листе было с полдюжины разномастных абзацев. Наблюдая за презентациями Пола в «Пауэрпойнте», я знал о его страсти к подчеркиванию слов и фраз. Если же он был в ударе, то выделял жирным шрифтом, курсивом и подчеркиванием целые предложения – да что там предложения: целые абзацы. Ну а после двух чашек крепкого кофе начинал мазать стрелки-указатели размером с Эверест. Сегодняшняя инсталляция включала обилие жирных шрифтов, но лишь с небольшим количеством подчеркнутых существительных.

Не желая вникать в полутона всех его курсивов и цветовых деленок, я вместо этого выслушал Пола и с его подачи прошел через основные моменты:

– Прежними хозяевами щенка – недолго, с неделю – были мать-одиночка и ее шестилетний сын. Женщина работала секретаршей в той же фирме, что и этот выродок Грейнджер. Мать с сыном ютились в квартирке ее сестры – житье, понятное дело, не сахар. Им оставалось всего два месяца до получения съемного жилья, а потому ни в коем случае не следовало переезжать к этому придурку, но женщина и Грейнджер были меж собой в отношениях. Они, видите ли, встречались. Ну а как только мать с сынишкой переехали к нему, так все и пошло наперекосяк. Грейнджер, оказалось, был классическим Джекилом и Хайдом – учтивым и податливым в рабочие часы, за обедом или в кино, но вечерами пил дома до одури. И чем больше напивался, тем сильнее изолировался от них... от мира... от вселенной. Оставленная на полу в го-

стиной игрушка оборачивалась тирадой длиною в ночь, с битьем кулаком по столу; флакончик крема в ванной, если поставить не туда, превращался в несносное брюзжание.

– Короче, держал их в черном теле?

– Ходили по струнке, как над вулканом. – Пол мрачно усмехнулся. – И вот последней каплей стал щенок. В начале той недели женщина с сынишкой привезли домой золотистого ретривера – кстати сказать, с позволения Грейнджера. Сестра женщины работала в ветклинике, поэтому они вдвоем придумали грандиозную схему: спарить мать щенка с породистым псом, приплод затем распродать, наличность положить в банк, а одного щеночка оставить у себя. Ты ведь знаешь, кутята рождаются с закрытыми глазками и ушными каналами – в сущности, слепоглухие в первые недели своей жизни. А по законам штата, первые два месяца щенка нельзя разлучать с матерью. И вот ровно на восьмой неделе женщина и ее сын принесли в дом Грейнджера теплый комочек золотистого меха, поместив его в ранее опрятный, незахламленный гараж Грейнджера. Реакция сожителя была такая, будто его дом собрались взорвать.

– Ей бы взять и вернуться к сестре.

– Она уже решила, что будет ждать ровно до сдачи квартиры, а потом уйдет, к черту, от этого долболома. Ее наблюдения за последний месяц эволюционировали от, – Пол посмотрел в какие-то свои записи, – «что-то ты многовато пьешь» до «давай-ка с этим полегче», затем «да у тебя про-

блемы» и наконец «какой же ты гнусный алкаш». Кульминация, как и следовало ожидать, произошла прошлой ночью: Грейнджер дал ее сыну пинка.

– Вот это кульбит!

– Во всяком случае, это все, что у нее написано, – сказал Пол. – Женщина собрала мальчика, запихнула вместе с чемоданом в машину и довела до сожителя, что у них «амур пердю». Хотя она и собиралась в спешке, но дала понять, что завтра с самого ранья вернется за остальными вещами и за щенком... после того, как этот козлина протрезвится.

– Чего, конечно же, не произошло.

– Остальное тебе известно, – сказал Пол. – Кстати, эта женщина поделилась со мной мелкими психическими зарисовками. Грейнджер никогда не рассказывал о своем прошлом, но, по ее мнению, в детстве он страдал от эмоционального или физического насилия... и это сказалось на его психике. Однако вместо того, чтобы обратиться к психотерапевту, Грейнджер занимался самолечением – топил свою боль в алкоголе, – заключил Пол, бросая тетрадь с записями на стол. – И видимо, после того скандала Грейнджеру спьяну втемяшилось, что надо бы показать ей *гнусного алкаша*, которого она ввек не забудет.

Слушая рассказ Пола о щенке-ретривере, к которому я и приехал, я дымился, словно овощи на противне. На детство Грейнджера мне было наплевать. В моем уставе жестокое обращение с животными приравнивается к смертной казни.

Будь моя воля, то Грейнджеров всего мира я бы с друзьями развешивал на сельских площадях вместо елочных украшений. И если б этот конкретный урод не пробил свой собственный билет – вымер при естественном отборе, – я лично поехал бы в Форест-Глен и там сунул ему в рот разгоряченный ствол.

– А что та женщина с ребенком? – спросил я. – Почему не забирает терьера?

– Она насчет той ночи жутко переживает. Клянет себя, что оставила щенка с умалишенным. Но они тогда перебрались в отель. Она и не думала, что он выкинет что-либо подобное, и... В общем, у них с сыном сейчас весьма затруднительное положение: на подвесе меж двух домов, и сейчас им откровенно не до собачек.

– Что ж, ее вины в этом не вижу.

– Подозреваю, что своему сынишке о том, что произошло на самом деле, она не рассказала. Им и так пришлось несладко, не хватало еще дополнительно травмировать бедного ребенка... – Пол пожал плечами. – Мне она сказала, что, может, возьмет другого щенка из первоначального помета, когда они более-менее обоснуются на новом месте: чтобы ребенок типа поверил, что это та же самая собака. Я же подозреваю, что после произошедшего она боится, что у собаки появятся какие-нибудь отклонения: повреждение мозга или другой какой дефект...

Мы вышли из углового кабинета Пола и направились в

южную часть здания, где расположен питомник. Чикагский центр по контролю и уходу занимает пять тысяч квадратных метров на Юго-Западной авеню. Эта служба работает как приют и может одновременно содержать в отдельных вольерах более пятисот животных. Это также командный центр для бригады сотрудников по контролю за животными, с парком из двадцати грузовиков и спецфурой, оборудованной для выездных приемов и вакцинирования.

Из своих друзей близкими я считаю всего нескольких, а Пол среди них занимает центральное место. Он любит собак, а насколько я могу судить, в нашем безумном мире существует лишь два типа людей – те, кто их любит... и просто гуаноиды. Пол старше меня на десяток лет; ему уже под сорок, он исправный католик, и у него четверо или пятеро детей то ли дошкольного, то ли школьного возраста (уж простите мою забывчивость). Жена Пола, Шарла, чертовски хорошо готовит: растущая талия Пола тому подтверждение. Как глава службы, он всегда при костюме и галстукe, в то время как меня вы никогда не застанете вне джинсов, берцов и умеренно свежей футболки. В целом Пола можно назвать ухоженным: к концу дня он никогда не бывает всклокоченным, прическа на подстриженной в салоне голове сидит волосок к волоску. Для меня же вскрывать разовую упаковку с жилеттовским станочком или прореживать после душа пятерней свою каштановую гриву – уже изрядный напряг душевных сил.

– Ну что, твой заход? – сказал Пол, открывая металличе-

скую дверь в один из многочисленных коридоров с решетчатыми вольерами по бокам. Чикагский центр по контролю и уходу содержал в основном собак и щенков, кошек с котятками, хотя иногда среди его постояльцев попадались и койоты, и еноты.

– Мой. – Я кивнул.

По обе стороны длинного коридора, крепко пахнущего мехом, собачьим кормом, звериной мочой и дезинфектантами, тянулись вольеры высотой в полтора метра. Вольеры состояли из клеток – квадратов по метр двадцать, с толстой цементной прокладкой по бокам и сплошной задней стеной из бетона (за все время из питомника не произошло ни одного побега). Прямоугольная щель внизу позволяла просовывать внутрь миски с едой и водой. Перед клетками тянулся узкий слив восемь сантиметров глубиной, идущий в канализацию и облегающий промыв клеток шлангом.

Как-то раз я критически прошелся насчет тюремного вида всех этих клеток в питомнике; Пол взбеленился, и в итоге мне пришлось быть слушателем десятиминутной лекции о годовом бюджете и острой нехватке волонтеров. Один из них сейчас, кстати, маячил в дальнем конце коридора: проверял животных и наполнял миски из лейки. На полпути по коридору, возле крана, ждало своего часа мятое жестяное ведро – до него черед непременно дойдет, лишний раз доказывая, что без помойного ведра реально никуда.

Коридор наполнился разномастным рычаньем, лаем и по-

визгиванием, звонким тявканьем и скулежом – эдакий швейцарский йодль на все собачьи лады. Интенсивность была несколько слабее, чем в другие мои посещения, хотя все равно довольно бойко. Всякий раз, когда муки совести перед Поллом вовлекали меня в волонтерские смены, я находил способ отключаться от шума – по большей части врубая в «ушах» что-нибудь типа «Линирд скинирд»³.

Всем известно, что собаки десятки тысяч лет назад произошли от волков. С их одомашнивания все и началось, но где-то в пути псовая лингвистика попала на развилку – собаки стали лаять, а волки продолжили выть или молчать. Волчата, само собой, тявкают, но взрослым особям ведомо, что в случае опасности лучше просто умолкнуть и затаиться, пока угроза не минует. А вот лучший друг человека имеет обычное поведение на угрозы лаять, пока те не исчезнут.

Однажды по телевизору я застал передачу, где мямлилось что-то о способности по звуку собачьего лая различать шесть различных эмоций – типа гнев, страх, блаженство и всякое такое, хотя мне кажется, что на самом деле этих оттенков гораздо больше.

Новоявленный постоялец Центра находился во второй клетке справа – вероятно, по указанию Пола его разместили ближе к двери. К центру каждой клетки на уровне живота крепились пластиковые пробирки-футляры. В них легко

³ Lynyrd Skynyrd – американская рок-группа, наиболее известный представитель «южного рока» 1970-х гг.

вставлялся листок с основными сведениями о транзитере: кличка, пол, возраст, вес, сделанные прививки, темперамент и т. п. Насчет нашего нынешнего героя указывался только возраст – «девять недель +», – и ничего больше.

Я расстегнул свою сумку, достал коврик для йоги и развернул его перед клеткой, подстраховавшись, чтобы тот краешком не обмакнулся в желоб стока (знаком не понаслышке, что за субстанции текут по этой нечистой речке). Работать с собаками – всегдашний болезненный вызов твоим коленям, поэтому причиндалы вроде коврика и строительных наколенников – мой неразлучный профессиональный антураж. Я растянулся на животе перед клеткой, таким образом поравнявшись глазами с новым обитателем питомника, а Пол, скрестив на груди руки, прислонился к металлической двери и наблюдал.

Я уставился на золотистого ретривера. Несмотря на гам и сдержанную ярость коридора с его ворчанием территориальных споров, лаем приветствий, скулежом тревоги или страха, воем тоски или несчастья, новый жилец лежал неподвижно. Девочка. Бедняжка: свернулась сиротливым калачиком в дальнем конце конуры. Миски с кормом и водой выглядели нетронутыми. Ушастая голова лежала на передних лапах, один глаз тоскливо смотрел в мою сторону. Бедный дитенок – отнята от матери, братьев и сестер; затем бурная акклиматизация в новой чужой семье, быстро завершившаяся тем, что какой-то псих пытался ее удушить...

Какое-то время мы молча изучали друг друга.

– Привет, малышка, – ласковым голосом сказал я спустя минуту. – Меня звать Мейсон Райд, а для друзей я Мейс. Пол все мне о тебе рассказал: как все случилось и как это стремно и чертовски обидно – ведь я вижу, что ты красотулька и заслуживаешь себе лучшего друга.

Из сумки я достал банку арахисового масла и выхватил вкусняшку, которых в моей сумке в изобилии. Печеньку «Милки боун»⁴ я обмакнул в масло и сунул в клетку – процедура, которую я проделывал тысячу раз. Отказаться от «молочной косточки», да еще в арахисовом масле? Для животного такое невыносимо.

Щенок даже не пошевелился.

– Я просто оставляю это здесь, можешь угоститься, когда захочешь, – сказал я. – Хотелось бы, конечно, чтобы вкусняшки залечивали все раны, но, к сожалению, так не бывает. – Я покачал головой. – Как бы то ни было, Пол молодец, что позвал меня. Он хороший парень, даром что в блек-джек играет как трехлетка. Ты не поверишь: однажды он продул, имея на руках пару десятков – бесспорный выигрыш; даже гребанный дилер пытался его отговорить.

Реакции ноль; чтобы как-то заполнить пустоту, пришлось дорассказать историю о проигрыше директора Центра в казино.

Пол у двери пожал плечами:

⁴ Milky Bone («Молочная кость») – торговая марка собачьего печенья.

– В тот вечер мне везло.

– Мне было не по себе даже сидеть рядом с человеком, выкинувшим такое. Но Пол тем не менее позвонил, потому что знает, что мне нужен новый лучший друг. Видишь ли, у меня был англичанин-спаниель по кличке Эми...

– «Пьюэ прэйр лиг»?⁵ – отвлек вопросом Пол.

– Ага.

– Но это же не кантри.

– Американский кантри-рок, – сказал я. – Я фанатею не только по кантри. Помнишь Джуда, мою австралийскую овчарку?

– Отличная кантри-группа, почти «Битлз».

– Пол хороший парень, – повторил я, – но его познания в кантри вполне умещаются под хвостиком у хомячка. – Я снова сосредоточился на испуганном щенке, наблюдающем за мной из глубины клетки. – Так вот, Эми был спаниелем уровня академика, блестящей собакой-нюхачом. А потом он заболел – почечная недостаточность, ничего не поделаешь. Ему было всего девять. И... В общем, теперь мне нужен новый лучший друг.

К этому моменту голова ретривера приподнялась, и теперь его глаза пристально смотрели в мои.

– У тебя очеса как небеса, – сказал я и еще несколько секунд не отводил от него взгляда. – Эльвира.

– «Статлер бразерс»? – снова блеснул эрудицией Пол.

⁵ Pure Prairie League – американская кантри-рок-группа 1970-х гг.

– Популярной ее сделали «Оук ридж бойз», но написал сельский сквайр по имени Даллас Фрэйзер⁶.

Я просунул указательный палец в клетку и пододвинул лакомство на пяток сантиметров в сторону щенка.

– Поедешь ко мне домой – назовем тебя Эльвирой. Ты красивая лапулька, и усыновить тебя каждый будет рад. Бегала бы на выгуле, а вечерами, может, гонялась бы за фрисби. Кто-нибудь из ребятишек даже подворовывал бы для тебя со стола еду, хотя, подозреваю, не меньше времени ты проводила бы в такой же конуре, как эта. Знаю и еще одно собачье вожделение: наделать во дворе и наблюдать, как хозяин наступит в твою кучу. Но учти: такие фокусы удаются только раз, от силы два.

Щенок встал и пару раз тряхнул головой, словно отряхиваясь от паутины.

– Однако если б ты меня *приняла*, Эльвира, жизнь у нас пошла бы совсем иначе. Мы бы играли с тобой во множество игр – *тренировочных*, – и каждый раз, когда ты усваиваешь что-нибудь новое, я бы бросал тебе вкусняшку. Так мы бы развили и отшлифовали до блеска твой уникальный нюх.

Щенок сделал ко мне несколько шагов, наклонился и лизнул лакомство.

– Жить ты будешь со мной и еще несколькими друзьями.

⁶ Statler Brothers – американская мужская музыкальная группа кантри и госпел. «Эльвира» – хит американского вокального квартета The Oak Ridge Boys (1948), работавшего в жанрах госпел и кантри.

Уверен, что тебе понравится Сью, который мнит себя Кинг-Конгом. Есть еще пара короткошерстных колли – они, кстати, сестренки – Дельта и Мэгги Мэй. Эти залижут тебя до одури. Угадай, что произойдет еще? После наших тренировочных игр ты станешь СПО – собакой по поиску останков. Знаешь, чем мы зарабатываем на жизнь?

Я сунул обратно в клетку свой палец. Секунду щенок смотрел, а затем лизнул его.

– Поиском мертвых тел.

Часть II

Дни тренировок

*У каждой собаки бывает свой день.
Джонатан Свифт*

Глава 4

Через десять месяцев

Я подумал, что у нее припадок. Дрожа всем телом, она горбилась на куче битого цемента, обвалившихся кирпичей и прочих обломков. При крепком зажмурировании дрожь только усилилась. Ее трясло, словно в цепких объятиях кошмара.

– Вира! – громко окликнул я, встав на колени и поглаживая ей лоб, одновременно теплый и влажный.

Транс нарушился, ушастая голова дернулась в мою сторону. Глаза резко открылись, а затем она села (как я учил ее делать при всякой находке) и начала скрести под собой лапой по разбитому бетону.

Формально назвав собаку Эльвирой, я тем не менее сократил ее имя до «Виры», для удобства подачи команд. Кремово-желтый мех и круглые, ничего не упускающие любопытные глаза – Вира была теперь изрядно выше полуметра в холке, плюс двадцать семь кило неутомимого энтузиазма в мышцах.

Собаки в целом живут в мире обоняния и слуха, а поисковые собаки обучены обнаруживать человеческие останки по запаху соединений – специфических запахов, – выделяемых телами при разложении. Разлагающиеся человеческие останки выделяют почти пять тысяч различных химических соединений. Ученые все еще пытаются расшифровать, какое из

многочисленных соединений действительно имеет значение для собак-поисковиков, но какой бы ни была химическая сигнатура, она присутствует в трупах – от свежих, вскоре после смерти, до скелетов, пролежавших несколько лет. Присутствует она и в различных тканях, таких как жир, кровь и кости.

Вира была обучена находить и следовать за запахом разлагающейся человеческой плоти, поднимающимся из почвы. Она обучалась и как ищейка, что следует по запаху, попавшему на землю, и как собака, способная улавливать запах разложения по ветерку и отслеживать его до точки местонахождения. Хорошая собака-поисковик может находить человеческие останки в развалинах землетрясения или пожара, или же внутри неглубокого захоронения. Она способна вынюхивать сложные и слабоуловимые запахи, такие как сухие кости или, скажем так, более влажные субстанции.

Вира, как и большинство ретриверов, умна, как Эйнштейн. Запахи она учуивала, примерно как моя бывшая меняла мужей – со страстью и быстротой. Но сегодня у Виры была первая охота – ее первый выход на поиск опочивших. По мнению некоторых, я начал натаскивать ее чересчур рано, но она прошла интенсивную подготовку и проявила себя превосходной ученицей в выявлении необычных запахов, независимо от того, где я их разместил, на поверхности или под ней.

– Что ты нашла, детка? – спросил я, натягивая кожаные

перчатки.

Вира продолжала грести лапой по глыбе бетона.

– Хорошо, я сейчас.

На лапы своих собак я распыляю реагент, образующий защитную пленку для укрепления подушечек. Тешу себя надеждой: какая ни есть, а страховка. В тех местах, где нам доводится бывать, всегда навалом всякого мусора или обломков – режущих, колющих или жалящих, – на которые может наступить собака.

Сейчас я наклонился и покатил перед собой обломок бетона, словно снежок зимой... Тут-то и проглянула лодыжка женщины.

* * *

Его зовут Бархатным Чокером⁷: он похищает молодых женщин и держит их у себя, тешась на протяжении нескольких месяцев, пока они его не разозлят, – а это в итоге происходит неизбежно по той или иной причине. Тогда он душит своих пленниц куском веревки или бельевого шнура, надевает поверх следов удушения черное бархатное колье-чокер и оставляет тела для нас как часть своей извращенной игры.

Не уверен, что слово «мы» приобщает нас к полиции Чикаго. Моя команда поисковиков – сектор частный, а не госу-

⁷ Чокер – колье, плотно прилегающее к шее.

дарственный, и ЧУПу⁸ мы помогаем только по запросу.

Время от времени (хотелось бы почаще, уж больно хорошо платят) мне выпадает поработать в Кинологическом центре ЧУП в Дес-Плейнсе. Там я занимаюсь в основном тем, что приучаю немецких овчарок искать пропавших или отслеживать подозреваемых, скрывшихся с места преступления. В полицейских подразделениях К-9⁹ собаки используются для сопровождения патрульных или для вынюхивания наркоты и взрывчатки. Есть в них толк и при оказании помощи подразделениям спецназа.

Однако розыскные собаки – подвид совершенно иной. Их учат чують смерть. И, в отличие от более распространенных патрульных собак, собаки-розыскники не используются ежедневно. Мы с Вирой вступаем в игру только в случае трагедии, как сегодня.

Своих собак по обнаружению людских останков я именую «Находчиками» и даже заказал бы футболки с этой эмблемой, если б мы участвовали в турнирах по софтболу или нас приглашали на корпоративы.

Моя собачья программа начинается как игра. По сути, этот свой режим тренировок я называю «трупными играми», и всякий раз, когда мои собачата слышат от меня эти слова, хвосты у них начинают вилять и они выбегают, азартно запрыгивая в пикап, в то время как я хватаю и грузу снаряже-

⁸ ЧУП – Чикагское управление полиции.

⁹ К-9 – отряды кинологической службы США.

ние. Своих собак я учу ассоциировать запах смерти – разлагающейся человеческой плоти, крови и костей – с одним из их теннисных мячиков или другой любимой игрушкой.

Для этого я использую искусственные нюхательные трубки для ряда запахов: недавно умерших, разложившихся и утопленников. Пускаю в ход и свою собственную кровь, но пока вы не начали думать, что я двинутый извращенец и похож на упыря, сразу скажу, что это не так; я не вспарываю себе запястье, выплескивая четверть чашки на землю, и надвигаю сверху камень. Нет; с помощью медсестры в местной клинике я время от времени отцеживаю пузырек, почти ничего при этом не чувствуя. Многие кинологи используют свою собственную кровь для придания охоте как можно большей аутентичности, как если б она разыгрывалась в реальном мире. В этот момент мы с собаками, по сути, играем в прятки со своими запашистыми игрушками на разных территориях, при свете дня или в темени ночи, при солнечном свете или под проливным дождем. И я учу своих собак мягко похлопывать лапой или садиться, когда они устанавливают источник запаха. При такой работе прыжки вверх и вниз или копание могут уничтожить улики... Кроме того, нет никакой реальной необходимости прокалывать мяч в штрафной зоне.

В начале недели северней Полиш-Виллидж была снесена старая колбасная лавка – теперь там готовилась открыть свои двери салон-парикмахерская; торжественная церемония намечалась на весну. Бригада строителей поставила во-

круг участка ограждение от соседской детворы, чтобы не порасшибались, играя среди обломков, и от вора, чтобы не растащили строительное оборудование. А когда нынче утром пришел на работу бригадир, то заметил два предмета, которых еще накануне вечером здесь не было.

Менее поразительным из обнаруженного было то, что кто-то ночью прорубился через сетчатый забор в задней части участка – уединенной стороне, окутанной лесом и крутым оврагом. А что действительно поражало, так это летнее платье – голубое, шифоновое с кружевами, примотанное к воротам на всеобщее обозрение.

Для тех, кто был в курсе насчет Бархатного Чокера (собственно, большинство чикагцев), голубое летнее платье являлось последним, что видели три с половиной месяца назад на Кари Брокман в день ее похищения. Но и на этом беды не исчерпывались: в прошлый понедельник, после школы, отправилась в магазин за косметикой шестнадцатилетняя Бекки Грол, да так и не вернулась домой.

Ржавый родительский «Форд Сатурн», на котором Бекки ездила в тот день, нашли брошенным на стоянке шопинг-молла. Описание Бекки Грол соответствовало почерку Бархатного Чокера, что не сулило ничего хорошего и для пропавшей Кари Брокман.

Бригадир строителей немедленно вызвал полицию. Через час из ЧУПа позвонили мне, и мы с Вирой помчались на всех парах.

Мы сидели на бордюре рядом с моим пикапом – восьми-летним «Ф-150» со спецкузовом для собак и полным приводом, чтобы можно было въезжать и выезжать из самых безумных мест, в которых нам приходилось шастать. Я легонько дернул Виру за хвост, а когда она посмотрела в мою сторону, почесал ее за ушами и начал повторять:

– Вира хорошая девочка.

Честно говоря, поведение моей юной воспитанницы ошарашивало. К тому месту, где было спрятано тело Кари, Вира подбежала едва ли не бегом, а затем, не считая своего минутного приступа дрожи (вероятно, от осознания, что на этот раз запах исходит не от теннисного мяча), начала общаться со мной своей сидячей позой и похлопываньем по земле, давая понять, что это определенно *то самое* место. Мы сидели у обочины и ждали, не захотят ли вдруг следователи сделать кратчайшее в мире заявление о том, что моя новоиспеченная находчица обнаружила первое в своей жизни тело за поразительные две минуты – просто рекорд!

Впрочем, можно было особо и не удивляться. Забрав Виру к себе, я через неделю-другую взял ее вместе с остальной своей бандой на показ новичкам в Шаумбурге. При прохождении некоторых основных команд, нужных собаководам, я переключался между Мэгги Мэй и Дельтой. Сюю стоял вблизи

и взирал на аудиторию и животных с видом суперагента – не хватало только смокинга и темных очков. В то время как Мэгги и Дельта исполняли ряд команд – «рядом», «сидеть», «лежать», «ждать», – по помещению поплыли смешки. Я машинально провел рукавом по носу – не пристала ли там какая-нибудь бяка (слава богу, нет); но когда Мэгги начала показывать навыки переворота на спину, веселье в аудитории стало еще явственней. Я обернулся – и, конечно же, увидел, как там потешно переворачивается Вира. Ясно, что за моей спиной она в точности повторяла команды, которые выполняли Мэгги и Дельта.

– Похоже, у нас тут отсебятина, – сказал я классу, а к Вире наклонился, ласково потрепал и дал вкусняшку. – Молодец, Вира. – В тот момент я еще даже не начинал с ней работать, давая время освоиться в новой семье. – Просто супер.

* * *

Вира сердито гавкнула.

– Фу, – сказал я, рассеянно почесывая ей шею.

В середине дня я вел занятие по дрессуре в Баффало-Гров, еще не располагая списком тех, кто уже проплатил, и тех, кто только зарегистрировался и еще не внес оплату. Все эти вопросы как-то смыло из-за спешки: сразу после звонка из полиции мы с Вирой запрыгнули в мой пикап – и вот теперь предстояло тащить задницу обратно в мой дом в крохотном

местечке Лансинг, а оттуда выдвигаться обратно в Баффало-Гроув. Я мысленно прикидывал, какой маршрут быстрее.

Вира глухо зарычала. Я очнулся от своих внутренних экзерсисов и поднял глаза. Невдалеке стояли пять полицейских авто, пара машин с обычными номерами и «Скорая». Вскоре, похоже, должны были пронести тело Кари Брокман в черном мешке. На другой стороне улицы собралась небольшая толпа, сдерживаемая полицейским кордоном, и именно это сборище, казалось, было средоточием растущей встревоженности Виры.

– В чем дело, девочка? – спросил я, не вполне понимая, что происходит. Внимание людей на другой стороне улицы теперь было приковано к нам.

Рычание собаки стало прерывистым.

– Вира, я что-то упускаю?

Она посмотрела на меня долгим вопросительным взглядом, после чего снова обратилась на толпу зевак. Поднялась с тротуара во весь рост; тело ее напряглось, шерсть на загривке вздыбилась. Теперь она непрерывно лаяла на людское сборище.

Я снова посмотрел на толпу, выискивая движение, которое, черт возьми, ее так всполошило. И тут, вырвав у меня из рук поводок, Вира пушечным ядром прыгнула через улицу. Толпа разделилась пополам; Красное море из пешеходов раздалось в попытке укрыться от взбесившегося пса, упруго пружиня вперед. Однако внимание Виры было сосредоточе-

но на одном конкретном объекте – парне в темных джинсах и синей джинсовой рубашке, который споткнулся о собственные ноги и вскинул руку, когда Вира прыгнула к его горлу.

– Вира, фу! Стоять! – рявкнул я, бросаясь через улицу. Одной рукой ухватился за поводок, другой – за ошейник, пытаясь назад в отчаянной попытке вытащить Виру из кровавой свары. С огороженной площадки высыпали санитары и понеслись ко мне и мимо, для оказания первой помощи бедняге, что корчился на тротуаре в наплывающей луже собственной крови.

По-медвежьи стиснув свою псину, я пятился к пикапу, преодолевая ужас, свидетелем которого сейчас стал.

Мой ретривер вырвал человеку глаз.

Глава 5

– У меня приказ на ликвидацию.

– Дай мне день, Пол, – сказал я. – Всего один.

– Если б «Скорая» не была уже на месте, Мейс, тот парнишка мог бы боты завернуть.

– Ты же знаешь, она не бойцовая собака. Без агрессивности, хищнических инстинктов, всякой там территориальной хрени... От бешенства привита, и не только. – Я покачал головой. – Здесь что-то не так, Пол. Она что-то увидела.

Он строго взглянул на меня через стол.

– Мы оба знаем о ее прошлом.

Я хлопнул себя по ляжкам:

– Так ей было всего два месяца от роду!

– А сегодня она в хлам ухайдакала того парня.

– В общем, так, – вздохнул я. – Дай мне сутки.

Мы с Вирой были неразлучны с того самого первого дня в питомнике Пола. Возможно, именно поэтому он со мной тогда и связался насчет щенка. Пол знал, каково мне было в тот период; знал, что мне нужен новый питомец, чтобы отвлечься. Вира не только помогла мне пережить безвременную смерть Эми – само по себе чувствительный удар. Но дело в том, что на той же неделе я наконец сдался и заявил, что все кончено, подписав бумаги о разводе со своей женой. На этом настаивала моя бывшая, Микки, которая после

нескольких месяцев «испытательного полета» решила, что лучше расстаться на постоянной основе. И я чувствовал себя рыбой, заживо разделанной и брошенной в ведро с кишками – все еще дышащей, но непонятно как, – и тут вдруг появился этот маленький бедный кутенок, который отчаянно нуждался в моей помощи.

Как оказалось, я тоже в ней нуждался. Вместе мы выбрались из темной полосы. И вот бедняга снова оказалась взаперти...

– Послушай, Пол. Если я не смогу во всем разобраться, то я вернусь и... – голос у меня сорвался, – вернусь и сам ее усыплю.

* * *

– Вы же знаете, эти уроды любят стоять в толпе и упиваться своей работой, – сказал я. – Типа как в «Серийном убийце 101».

Я находился в полицейском участке по Южному Мичигану и разговаривал со старшим следователем по убийствам, темнокожим детективом Хэнсоном. Речь шла о Бархатном Чокере.

– Мы уже проверяли. Никаких совпадений. Парнишка водит школьный автобус и на полставки развозит пищу, скапливая на колледж. – Хэнсон был порядком измотан; видимо, его затыкали со всех сторон из-за пробуксовки с делом Чо-

кера. — У нас есть видеокадры зевак на местах преступлений, и он там не зафиксирован. Попытки найти его повторные появления в толпах ничем не увенчались.

— Но это всего лишь спонтанное сборище. А в других случаях этот тип мог сидеть с биноклем где-нибудь в двух кварталах на остановке или в припаркованной машине.

— Вам бы сейчас лучше сосредоточиться на страховой компании, — вымученно съязвил следователь. — Собака ваша покалечила на всю жизнь человека, и вы, как владелец, несете за своего горе-питомца прямую ответственность: счета за лечение, реабилитация, душевные травмы и прочая адвокатская мутотень. Этот парнишка сейчас реально держит вас за задницу.

Детективу Хэнсону очевидно не нравилось, что какой-то собаковод указывает ему, как делать свою работу. Пристальным взглядом я обвел его круглое лицо на исхудалом туловище (бьюсь об заклад, что это результат недавнего сидения на диете). Хэнсон подался вперед, ожидая ответа в расчете, что гость, как обычный лошок, сейчас поблагодарит его за потраченное время и поплетется к выходу.

— Если он развозит пиццу и водит школьный автобус, то с чего ему торчать на стройке, особенно в такой ранний час? — спросил я. — Что-то уж очень это далеко от его привычного маршрута.

Хэнсон откинулся на спинку стула и разочарованным выдохом обдал плакат какой-то бродвейской постановки.

– Вы проверяли его одежду на ДНК? – поинтересовался я.

– Одежду? Вы об одежде, обогрелой его собственной кровью?

– Ну а машину? – не унимался я. – Багажник проверяли?

– Ага, прямо первым делом... – Хэнсон раздраженно хмыкнул. – «Эй, парнишка, я знаю, что ты лишился глазика и рука висит плетью, но нам нужно проверить, правильно ли ты припарковался».

– Почему вы все время называете его «парнишкой»? По виду ему уже за тридцать.

– У этого *парнишки*, – повторил Хэнсон с нажимом, не предвещающим ничего хорошего, – была чертовски тяжелая жизнь. Родители у него погибли в аварии, когда ему было всего четыре года, и с тех пор он живет у бабушки. У него есть сестра – на два года младше, – с которой мы пытаемся установить связь. Честно говоря, похоже, что после школы она сбежала и скрылась.

– А бабушка? До нее вы дозвонились?

– Оставили сообщение, но она не перезванивала.

– Никого нет дома?

– Мы посылали туда машину, но никто не открыл. Бабушке за семьдесят, так что она, скорее всего, куда-то вышла – в магазин, в гости, в церковь – или вовсе умотала на автобусную экскурсию для пожилых... Черт возьми, – Хэнсон рубанул ладонью в воздухе, – да может, она вообще еще работает, но мы этого не знаем, потому что этот чертов потерпев-

ший шляется сейчас по врачам из-за того, что ваша чертова собака выдрала ему глаз!

– Вы заходили, проверяли дом?

– Нет. – Хэнсон поморщился так, словно надкусил лимон.

– Вот как? Почему нет?

– Почему? Вы хотите знать, почему старушка не сидела дома, дожидаясь нас? – Теперь Хэнсон, судя по виду, лимон проглотил уже не один, а целую дюжину. – Потому что идите вы на хер, вот почему!

Я сидел в нависшей тишине, отчетливо ловя на себе взгляды коллег Хэнсона. Мои глаза остановились на столе детектива. Там, в неразберихе материалов по Чокеру, обособленно стояла фотография самого Хэнсона с двумя детьми, снятая в каком-то парке аттракционов. На снимке не было никакой жены, а у Хэнсона – обручального кольца.

Вероятно, разведен, как и я.

– Послушайте, Райд. – Хэнсон перешел на чуть более примирительный тон. – Я понимаю, в каком вы непростом положении, и все это время предоставил вам – а это немалая услуга – из-за всей той хорошей работы, которую вы делали для нас в прошлом. Вы же меня понимаете?

Я молча кивнул, не отводя глаз от его стола.

– Так вот, вам нужно как следует посмотреть на себя в зеркало, а не транжирить здесь попусту мое время, – продолжил детектив. – Скоро адвокат парнишки начнет шерстить страховку ваших коллег-собачников, всю вашу «крышу», или что

там у вас в плане ответственности за собак, и все ли у вас с этим в порядке, ну а потом подаст на вас в суд лично. Вы сами можете в противовес нанять адвоката, но присяжные – особенно в рамках гражданского иска – наверняка встанут на сторону потерявшего глаз бедняги. Вот на чем вам нужно сосредоточиться... а не на этом вашем мозголобстве.

Глава 6

«Парнишку» (если такое слово можно применить к молодому тридцатидвухлетнему мужчине) звали Ники Чампайн. Жил он с бабушкой в одноэтажном домишке Бридж-порта, неподалеку от Баббли-Крик. Уже давно стемнело, когда я наконец подъехал по его домашнему адресу. Расчет был на то, что темнота скроет осуществление моей затеи. Иначе смерть Виры мне придется оплакивать из тюремной камеры. К счастью для моего плана, переулок изгибался и на участке Чампайна заканчивался тупиком с акром травяных зарослей между ним и ближайшим домом.

Наконец-то хоть что-то повернулось в мою сторону. Будем это учитывать.

В небе висел льдистый серп луны. Припарковавшись через дорогу от дома Чампайна, я сидел в мыслях о Вире. Как она все эти месяцы через прыжки, через резвость, через наши занятия помогала мне заполнить зияющую в моем сердце пустоту. Та первая ночь вспоминалась как вчера. В углу того, что считалось в моем трейлере хозяйской спальней, я соорудил для нее постельку. Я тогда крепко заспался – можно сказать, отрубился после пары жестянок «Бада», – а из оцепенения меня затем вырвало тихое поскуливание. Я завожился, неловко встал и, с ворчанием подняв свою питомицу, вместе с ней бухнулся обратно на кровать. А потом как-

то так оказалось, что моя рука обвила Виру и стала поглаживать ей затылок.

– Ничего, девчура, – сказал я тогда, почесывая ей шерстку на шее. – Пройдем и это.

При диктате Микки собаки на кровать не допускались, но после первой ночи Вира узурпировала себе ту сторону кровати, где спала моя бывшая. Постепенно Вире начали составлять компанию обе колли – Мэгги частенько, Дельта пореже. Временами сюда навевался Сью и, строго гавкнув за такое нарушение протокола, величаво уходил к своему тронному дивану.

Моя бывшая говорит, что я интроверт и отщепенец по отношению к своим братьям – гомо сапиенсам. Не зря же я лучше уживаюсь с четвероногими.

Что ж, с этим сложно поспорить.

Пока детектив Хэнсон распекал меня за инцидент на Саут-Мичиган-стрит, я не поднимал головы и, кивая более-менее впопад, сам при этом сосредоточенно изучал поверхность стола. Там были разбросаны бумаги – материалы дел – таким образом, что в них мог ориентироваться только детектив. Но со своего стула для посетителей я заметил лежащие особняком отчеты по Кари Брокман, а чуть сбоку – небольшой бумажный листик, увеличенную фотокопию водительского удостоверения жертвы, на которую напала сегодня Вира. И, продолжая кивать в такт словам детектива, я сейчас напряженно разглядывал ту бумажку. Читать вверх ногами

было непросто, но я справился.

Имя и адрес Чампайна хорошо отпечатались в моем мозгу.

* * *

С собой я взял Сью, мою черно-коричневую немецкую овчарку... самца немецкой овчарки. До сих пор жалею, что назвал его Сью, по песне Джонни Кэша¹⁰. Всякий, кто заглядывал Сью под капюшон, неизменно задавал вопрос: «Ты его что, по дури бабским именем обозвал?» Даже выслушав мою лекцию о Джонни Кэше, они все равно смотрели на меня, как на ненормального.

Видимо, в этом была своя логика.

В отличие от персонажа песни, Сью был альфа-самцом нашей стаи. По моему трейлеру он расхаживал с выпяченной грудью, демонстрируя свое превосходство над остальными членами семьи – всеми нами, «бетами» помельче, – а также над проезжающими машинами, белками и кроликами, почтальонами, дверным звонком и звуком тостера. Для обнаружения человеческих останков Сью, честно говоря, был собакой не самой лучшей, зато пугал вусмерть любого коммивояжера, который по недомыслию притормаживал у моего трейлера.

¹⁰ «Мальчик по имени Сью» – хит Джонни Кэша, по песне детского писателя Ш. Силверстина.

В общем, для сегодняшней задачи Сью подходил идеально.

Чутье подсказывало, что Вира без причины на Чампайна ни за что не набросилась бы; это исключено. Себе в сотовый я ввел номер домашнего телефона Чампайна и сейчас на него позвонил. Трубку никто не взял, переключения на автоответчик тоже не было. Не зажегся и свет. Никакого движения. Вообще ничего. Мы со Сью выскользнули из пикапа. Со дна кузова я осторожно поднял кувалду. Вдвоем мы бросились через двор и присели под передним окном. Сью посмотрел на меня так, словно я лишился рассудка, но, к счастью, промолчал.

Я снова позвонил по сотовому. На этот раз было слышно, как где-то в недрах дома трезвонит телефон. На двенадцатом гудке я нажал отбой.

Я уже заглядывал в почтовый ящик – по иронии судьбы там была рекламка пиццерии, а также одобренная кредитка на имя Юнис Чампайн. Кстати, где эта старушенция, черт бы ее побрал? Для церкви уже поздновато, а в ночные смены она работает вряд ли. Может, наконец получила известие и помчалась в больницу, чтобы быть рядом с внуком? Или все еще в неведении и шастает бог весть где? Может, и в самом деле на автобусной экскурсии?

Родители у меня были строгими – уж точно не из тех, что жалеют розги на воспитание, – но в семье ходила шутка о том, как мы с братьями и сестрами обожали, когда нас сплав-

ляли к бабушкам и дедушкам – не важно по чьей линии, – которые нас баловали и покрывали наши шалости.

Может, и бабушка Чампайн вот так покрывает своего внука Ники? Детектив Хэнсон был прав: мне светил финансовый крах, но судьба Виры выглядела куда более неотвратимой. Вместе с тем я ни на секунду не сомневался, что Чампайна она выбрала в толпе не случайно и набросилась на него не с бухты-барахты.

К тому же все еще не была найдена Бекки Грол, последняя жертва Бархатного Чокера.

Я тихо поднялся на крыльцо, позвонил в дверь и прислушался. Сю сидел в паре метров позади, за ночными событиями следя, как сова за мышами. Я позвонил еще раз, потом еще и еще. Затем локтем отстранил сеточный экран и сильно постучал по двери костяшками пальцев. Все это я повторил несколько раз, после чего принялся колотить кулаком. Этим я занимался еще с полминуты, и хотя до соседнего дома было около сотни метров, я начал опасаться, как бы кто-нибудь из соседей Чампайна не вышел на улицу поглядеть, что там за ночной шум.

Я приложил ухо к двери. Внутри никакого движения. Дом словно вымер.

Глава 7

Ну что ж, пора поднапрячься.

Я поднял кувалду и встал перед дверью, как Бейб Рут, в позе отбивающего¹¹, с занесенной для удара битой. В дом Чампайна необходимо было попасть с минимальным числом ударов, чтобы соседи не вызвали полицию, не высыпали наружу или, чего доброго, не бросились в погоню. С замаха я что было сил вдарил по засову. Дверь тряско вздрогнула, но осталась в раме. Господи, как громко-то... Мучительно хотелось схватить Сью, ринуться с ним к пикапу и дать отсюда деру, но вместо этого я встал неподвижно и несколько минут стоял, неотрывно глядя через участок на соседний дом – не загорится ли там свет или появится какой-нибудь признак движения.

Дав потенциально чутким спящим еще несколько мгновений для повторного ухода в забытие, я использовал кувалду как таран – меньшее расстояние, меньше звука (скорее стук, чем грохот) – и с силой саданул в зазор между засовом и дверной ручкой. Второго удара дверь не выдержала. Я простоял несколько секунд, вслушиваясь, не гудят ли где сирены, а заодно оглядывал улицу в поисках любопытных прохожих.

¹¹ Джордж Херман «Бейб» Рут (1895–1948) – легендарный американский бейсболист, играл в Главной лиге в 1914–1935 гг.

От напряжения и страха у меня взмокла спина. Побелевшими костяшками сжимая кувалду, я тихо вошел в дом Ники Чампайна.

Зажатым в зубах фонариком обвел тамбур прихожей и осмотрительно закрыл то, что осталось от входной двери – чтобы с улицы ничего не выглядело подозрительно, – после чего щелкнул ближним выключателем. Гостиная выглядела так, словно я разом перенесся в семидесятые: оранжевые стулья с ворсистым ковром, на стенах коричневая опанелка. Мой верный Сью двинулся впереди; он нервно рычал, словно чуя мое настроение.

Готов драть задницы и пытать имена.

Приподняв голову, пес начал принюхиваться (так называемый «запах воздуха» – то, что собаки делают столь же часто, как при обнюхивании земли). Начните жарить к завтраку бекон, и вы убедитесь, что ваша собака делает нечто большее, чем просто нюхает воздух. В момент принюхивания она вбирает в носовые пазухи частицы запаха, и огромное количество обонятельных рецепторов позволяет ей распознавать одновременно тысячи различных оттенков. А когда такой пес, как Сью, идет по определенному запаху, его нос выделяет специфическую слизь, которая помогает улавливать эти самые частицы, и в результате запах чувствуется лучше. И, слизывая ее с носа, Сью впитывает дополнительные частицы запаха через пасть. По сути, такое облизывание помогает собакам максимально обострять свое обоняние. А

также очищать нос от прежних запахов, подобно тому, как люди на вечеринках очищают небо крекерами между бокалами вина.

Только сегодня было не до смакования вин.

Я прошагал по ковровой дорожке, обогнул в маленькой столовой складной стол и вошел на кухню. В шкафах не нашлось ничего примечательного – пластиковые тарелки, миски, чашки. В холодильнике – пара бутылок апельсинового сока, остатки покупного черничного торта и пустая баночка из-под горчицы. Морозильник набит упаковками куриных котлет и ничем больше, нет даже замороженной пиццы. В кладовке размером с будку одна полка битком набита кексиками с черникой и банками тушенки.

Семейка Чампайнов разнообразием себя явно не баловала. И бабушкина диета для молодого поколения была явно не самой здоровой – у меня собаки питаются лучше и полезней.

В ванной пол и стены были выложены зеленой плиткой. На перекладине висело одинокое полотенце. Рядом с зеленой раковиной торчала в стаканчике единственная зубная щетка, а рядом с ней – тубик «Колгейта», через который как будто проехался каток.

Хозяйская спальня (комната бабушки Чампайн?) была в общем-то опрятной, если не считать толстого слоя пыли на комоде и прикроватной тумбочке – пыль такая густая, что можно делать на ней росписи. Кровать аккуратно застелена, шторы задернуты, на полу ничего (опять же кроме пыли).

В целом вид у комнаты был нежилой – во всяком случае, здесь не жили долгое-долгое время, – что в значительной мере объясняло неудачи полиции выйти с Юнис Чампайн на связь.

Совсем другое кино представляла собой гостевая с комками влажных полотенец и разбросанных по полу одеял. Меблировка состояла из двухъярусной кровати и потертого ковра – еще пара лет, и кровать развалилась бы сама собой, без помощи всяких термитов. Чампайн, судя по всему, предпочитал спать снизу. Я заглянул под кровать, а также в стенной шкаф. Мятая груда маек, джинсы узлом, но так ничего особенного. В небольшом гараже тоже ничего примечательного; он пустовал, поскольку машина, на которой в тот день ездил Чампайн, отсутствовала. Вероятно, брошена на стоянке в Эйвондейле, в нескольких минутах от того места, где обнаружилась Кари Брокман – в это время «Скорая» мчала бедолагу в медцентр.

Оставалось осмотреть то, чего я сознательно избегал... Подвал.

По коридору мы со Сью двинулись обратно на кухню. Вокруг термостата здесь были пришпилены фотоснимки с более молодым Ники Чампайном – очевидно, из школьного альбома. Видимо, это бабушка хотела побаловать внука. Я начал рассматривать соседние фотки, и тут что-то привлекло мое внимание. В гипсокартоне, на уровне глаз, виднелись многочисленные вмятинки – неглубокие, типа как от кула-

ков. А с другой стороны стенки – такие же выступы.

Какого черта? Чампайн что, по пути в ванную и спальни молотил кулаком по гипсокартону? Ни одна из вмятин не была такой уж глубокой, но их было столько, что впорукупить хорошую банку шпаклевки и все как следует заделать. Вид откровенно неприглядный.

Дверь в подвал вела из кухни. Мы со Сью кое-как спустились по деревянным ступенькам, освещенным убогой лампочкой. Подвал Чампайнов, несмотря на солидный возраст дома, оставался недостроенным. В воздухе густо воняло плесенью и липкой сыростью, не знавшей осушителя. Уже на первом этаже я чувствовал себя отвратно – как будто совершаю кражу со взломом и меня из-за нее вот-вот схватят и упекут в тюрьму; но тут, в этом промозглом заплесневелом узилище, я ощутил доподлинный ужас, как в каком-нибудь морге с привидениями. Поглядел на Сью. Тот смотрел широко раскрытыми глазами и глухо рычал. Находиться здесь ему тоже было не в радость.

Но на волоске висела жизнь нашей Виры.

Осмотр я продолжил в закутке для стирки. Здесь, на полу перед стиральной машиной «Вестингауз», годящейся мне в матери, валялась небрежная куча одежды. На плохо натянутой бельевой веревке висела пара футболок, синяя и коричневая. Носком ботинка я поворошил грязное белье – здесь были только мужские белье и джинсы.

Что любопытно, задняя дверь запиралась на два засова.

Интересным оказался и датчик движения, включивший свет, стоило мне сделать шаг наружу. Полный контраст тому вопиющему безразличию и запущенности, что царили в этой берлоге. Возможно, свет использовался для отпугивания соседских детей.

Я оглядел задний двор, но не заметил там ни сарая, ни какой-либо другой постройки.

Заперев дверь на засов, я вернулся к лестнице и стал подниматься по ступеням, но на полпути остановился. С подвалом определено было что-то не так, хотя и не понять, что именно. Черт возьми, этот дом вообще был донельзя странным... не считая той странности, что я в него вломился.

Затем я начал колупать себя сомнениями. Что, если я ошибаюсь? А вдруг единственный проступок Ники Чампайна лишь в том, что он – неухоженный холостяк вроде меня, перебивающийся скудными заработками (уж сколько там может зарабатывать развозчик пиццы или водитель школьного автобуса)? Что, если он просто оказался не в том месте и не в то время, а мою собаку, по какой-то безумной причине, взбесил его непутевый вид? Что, если детектив Хэнсон прав и мне лучше забыть свои замашки сыщика и собраться перед предстоящим юридическим натиском?

Надо было делать ноги прямо сейчас – бросить к чертовой матери все это дело, запрыгнуть в пикап и умчаться из Бриджпорта, – но я решил попытать судьбу еще немного. Все-таки не все еще было досмотрено, и мы вернулись в коридор,

где висели фотки. И действительно, слева от термостата обнаружили четыре снимка с Ники Чампайном в его, вероятно, старшие школьные годы. А справа от термостата – четыре снимка его сестры, тоже примерно в старших классах.

Я оглядел ее грубоватые черты лица и темно-каштановые волосы, но не это привлекло мое внимание.

А то, от чего меня чуть не хватил удар. На всех четырех снимках шею сестры Чампайн украшало... черное бархатное кольцо-чокер – толстое, широкое; совсем как то, что было нынче на шее Кари Брокман, когда полицейские убрали слой щебня, под которым открылась фигура женщины. Колье-чокер, прикрывавшее следы удушения.

Я припал спиной к стене. Сердце бешено колотилось. Тут меня осенило кое-что еще, и я неверным шагом направился на кухню; верный Сю неотступно следовал за мной. Если подвал недоделан, то к чему под лестницей та стена с опанелкой? У Чампайна не так уж много лишнего скарба, который можно там держать. Ведь именно для этого люди обычно устраивают внизу чуланы и прочие закутки для хранения?

В безотчетном порыве я, перепрыгивая через две ступеньки, спрыгнул на бетонный пол, обогнул лестницу и костяшками пальцев постучал по опанелке – понять, что она не крепится к чему-то твердому, вроде балок или цемента. Постучав еще раз, приложил ухо к этой преграде. Мне показалось, что оттуда донеслось что-то потустороннее – то ли тихий стон, то ли плач, – но паника на меня сейчас не действовала,

тем более что рядом был Сью.

Я отшагнул назад, глубоко вобрал воздух и взмахнул кувалдой. Куски опанелки посыпались на бетон пола, словно яичная скорлупа; горло запершило от пыли гипсокартонной подкладки. Еще несколько взмахов, и я прорвался, после чего, как и в случае с дверью Чампайна, расширил брешь кувалдой, словно тараном. Отставив кувалду, включил фонарик.

Противоположная стена была оклеена полароидными снимками. Я буквально обмер. Дыхание перехватило. Передо мной был тайник Бархатного Чокера. А слух мне, похоже, изменил. Луч фонарика я направил вниз, оттуда доносилось стенание. Там была койка, а на ней – одинокая фигура с запрокинутой головой. Девушка, преодолевающая действие явно какого-то наркотика.

– Помогииииите...

Я узнал ее по фотографиям, что пестрели нынче в газетах и на экранах ТВ. Это была та пропавшая девушка.

Бекки Грол.

Глава 8

При работе кувалдой моя майка набрякла от пота (эдакий современный Джон Генри¹², ширящий брешь в тюремной стене). Внутри, в дальнем углу этого узилища, обнаружили шарниры: должно быть, Чампайн соорудил себе потайную дверь для легкого доступа. Хуже то, что у Бекки нашее оказался металлический ошейник, двухметровая цепь которого была вживлена в стену.

Я легонько сжал ей предплечье.

– Бекки, теперь тебе ничего не грозит. Чампайна здесь нет, и он больше не посмеет тебя мучить.

Взгляд девушки был затуманен от того препарата, который он ей дал. Она продолжала мотать головой, словно убеждаясь, что это не сон и ее кошмар действительно закончился.

У меня не было с собой ни болтореза, ни хотя бы кусачек, поэтому по металлической пластине на стенке я двинул все той же кувалдой. Времени на процесс ушло больше: мешала теснота этого импровизированного каземата. Я горбился, и не было нормального замаха, да еще и приходилось осторожничать, чтобы не задеть девушку – хватит с нее и того, что она уже пережила. Наконец я все-таки сумел вырвать ту пластину из стены, и цепь со стуком упала. Я схватил Бекки

¹² Джон Генри – мифический американский народный герой-силач, чернокожий борец за свободу.

под руки и приподнял ее квелое тело, насколько того позволяли ступени наверху.

Я удерживал Бекки до тех пор, пока она, покачиваясь, не сумела встать на ноги.

– Он больше не будет тебя мучить, – повторял я снова и снова. – Ты теперь в безопасности, Бекки.

Следом за мной в этот каземат пролез и Сью. Пока я занимался цепью, он сидел в сторонке, но теперь, с вызволением Бекки, начал рычать. Несмотря на воинственный вид, происходящее, похоже, пугало его не меньше, чем меня.

Бекки Грол часто и испуганно дышала, лицо ее было измазано грязью вперемешку со слезами. Глаза в сумраке чулана мучительно высматривали меня.

– А второго поймали?

– *Второго?* – опешил я.

И в ту же секунду рывком обернулся на лай Сью.

* * *

На меня метнулась какая-то тень; в свете фонарика я различил что-то блестящее в руке темной фигуры, прежде чем между нами впрыгнул Сью. Я шатнулся назад от того, что «второй» и мой пес дружно врезались в меня. Сью пронзительно визгнул, и мы все кеглями полетели вниз, а фонарик запрыгал по бетону пола. Мой пес с задавленным предсмертным визгом скатился с меня, и я очутился лицом к лицу с тем

«вторым»: сальные короткие волосы, рваная фуфайка и что-то вроде нижнего белья. Защищаясь, я вскинул левую руку в тот момент, когда мою шею чиркнуло что-то похожее на тесак. Подставленное предплечье сбило удар, но при этом пострадало; тем не менее я успел схватить негодя за запястье.

В тусклых отсветах фонарика я вполне сносно видел нападавшего, уже одолевающего мою хлипкую хватку на его предплечье. Кончик ножа скользнул вниз, теперь уже в дюйме от моего горла. Я чувствовал зловонное дыхание, словно от оставленного на солнце мяса, и видел ненависть и решимость, застывшие на его лице. Судя по всему, меня вот-вот готовился убить некто возрастом чуть старше двенадцати лет. Говорят, что шимпанзе, если соразмерять по весу, как минимум вдвое сильнее человека. Вот такое же ощущение у меня было от этого недоростка. Когда лезвие корябнуло шею, я понял, что меня лишает жизни какой-то лютый дикареньш, двинутый малолетний преступник из адава пекла.

В полутьме Бекки Грол каким-то образом прошмыгнула мимо нас, потому что внезапно возникла сзади и над ним: ту цепь, что приковывала ее к стене, она закинула перед его шеей и дернула на себя. Дикареньш заверещал, исступленно дрыгая руками и ногами. Я не без усилия поднялся. Дикареньш по-прежнему сжимал тесак, и было понятно, куда он с ним сунется. Он собирался им ткнуть стоящую позади него Бекки. Я кинулся вперед, обеими руками схватил его за запястье и предотвратил удар. Но тут из ниоткуда появи-

лось колено и двинуло меня в пах, а пяткой дикареныш угодил мне в глаз. Я опрокинулся назад, а он вырвался, и Бекки оказалась беспомощной.

Спустя секунду мы вернулись к тому же, с чего все началось. Я вскинул обе руки, встречая прыгнувшего на меня дикареныша. Правой рукой ухватил его толстовку вместе с кожей, а левой стал колошматить, пытаясь удерживать его нож на расстоянии. А затем из темноты что-то потеснило мне грудь, и я понял, что мой Сью все еще жив. В тот момент, когда моя овчарка впилась негодяю в запястье с ножом, тот зашелся воем. Сил на мощный, выводящий из строя укус псу уже не хватало, но внезапный бросок напугал кровожадного засранца до истерики. Глаза его расширились, и на секунду он замер, отчего Бекки успела петлей набросить ему на шею цепь и дернула ее на затылок.

Через полминуты негодяй обмяк.

А через минуту Бекки отпустила цепь.

Я схватил с пола фонарик и бросился к Сью. Мой верный альфа-самец – овчарка, за эти пару минут дважды спасшая нам жизнь, – лежал на боку в луже крови, надсадно дыша.

Я опустился на колени в кровавую лужу и едва не плакал. Весь пол был в крови; я молился, чтобы большая ее часть была моей.

Глава 9

Сирены стали слышны, когда я нес вверх по ступеням хрипящего Сюю, а сзади, цепляясь за мой ремень, шла дрожащая Бекки Грол. Так вместе мы поднялись и покинули Дом ужасов Чампайна. Во дворе Бекки, разом лишившись сил, тихо соскользнула на лужайку и легла в позе спящей. Я опустился на колени, наклонил голову, и меня вытошнило. Вскоре нас окатил свет двух патрульных машин и «Скорой», подлетевших к участку. Наружу высыпали полицейские, уставив стволы на вашего покорного слугу.

Следом на траву въехала машина без опознавательных знаков.

– Отставить! – вылезая из двери, рявкнул офицерам детектив Хэнсон. – Отставить!

Из «Скорой» появились парамедики и заспешили к Бекки Грол.

Я поднял глаза на Хэнсона:

– Моей собаке нужна помощь, срочно.

– Бог ты мой, Райд, да тебе она самому нужна, – забеспокоился Хэнсон, взмахом подзывая двоих офицеров. – Что, черт возьми, произошло?

– Чампайн орудовал не один, – сказал я, делая попытку встать. – Проверьте подвал.

Детектив с гримасой помог мне подняться.

– После того как ты ушел, мы у себя еще копнули... В прошлом году Чампайн водил школьный автобус в районе, где жила одна из пропавших девушек. Мы нашли его машину – разбитый вдребезг «Понтиак», – а в ней бельевого шнура и рулон полиэтиленовой пленки.

Хэнсон распорядился, чтобы патрульные нашли ближайшую ветклинику и доставили туда мою собаку.

Я сжал мех Сю, препятствуя вытеканию крови из глубоких ножевых ран. Кулаки у меня были алыми, мокрыми и скользкими; в таком виде я доковылял до задней части полицейской машины, где на заднем сиденье ждал полицейский. Здесь я удостоверился, что он зажал на шкуре Сю именно те места, какие надо, после чего патрульная машина понеслась в направлении ближайшей ветеринарки.

Стоило им отъехать, как я шлепнулся на задницу прямо посреди травяных кущ Чампайна. Ко мне подбежали Хэнсон с фельдшером.

– Взлом – моих рук дело, – сознался я, глядя на детектива и не вполне представляя, что будет дальше.

– У нас есть ордер, – сказал он. – В протоколе я отражу все как надо. – Посмотрел на дом Чампайнов, затем снова на меня. – Вид у тебя, прямо скажем, не фонтан.

– Эти ублюдки держали ее там на цепи.

Глава 10

Силуэт в черном стоял молчаливо и недвижно, в зарослях на дальнем краю участка Юнис Чампайн. Он появился за считанные минуты до того, как подкатила первая волна патрульных машин и «Скорых».

Он проклинал себя за опоздание.

Оставаясь статуей среди кустарника, черная фигура наблюдала, как машины полисменов Бриджпорта смыкаются с чикагской полицией; как выползают на шум соседи по улице и, сбиваясь стайками, судачат о ночном происшествии; как к месту преступления подтягиваются фургоны медэкспертов. Вот в дом Чампайнов вторглась бригада криминалистов и следователей со своими приборами, чемоданчиками и камерами. Фигура неторопливо вбирала весь этот официоз – сполохи мигалок, жужжание раций, суету мундиров и штатских, копошащихся словно пчелы вокруг улья. То, как быстро возводится баррикада для создания дистанции от фургонов телевизионщиков и всяческих СМИ.

Час спустя двое в жилетах полицейского управления пронесли на носилках мешок с телом и погрузили его в фургон, судя по всему, судмедэкспертизы.

Выводы можно сделать вполне определенные.

Фигура в черном тяжело опустилась на колени – понятное дело, не для молитвы.

Через пять минут Неприметный исчез в темноте. Словно никогда здесь и не бывал.

Глава 11

Нас с Бекки Грол оперативно доставили в Национальный медицинский центр, где мне наложили четыре шва у основания горла (вид такой, будто я нешуточно переборщил с утренним бритьем). Еще семнадцать швов и четыре скобки на левое предплечье; порванное, изрезанное, оно уже начинало невыносимо зудеть. Детектив Хэнсон и его напарник, коренастый крепыш Марр, брали у меня показания в конференц-зале больницы. Марр обещал отвезти меня к моему пикапу возле логова Чампайна, но навалились дела, и они все время куда-то отлучались. Окруженный кислыми лицами пациентов, я чахнул на диване в коридоре больницы и ждал дальнейших известий от Хэнсона или Марра. Несколько раз я звонил Полу Льюису с апдейтами, затем позвонил моему соседу по улице Дику Уичу, принес тысячу извинений за неурочный час, проинструктировал, как найти ключ от моего трейлера и выпустить Дельту и Мэгги по их собачьим делам.

Сью полицейские отвезли в ближайшую ветклинику Бриджпорта. Тамошний персонал я свел с ума: теребил их каждые полчаса дотошными вопросами, как там идут дела и что домашний ветеринар Сью уже выехала к ним на помощь. Шаг за шагом мне докладывали, что Сью экстренно прооперировали – разрыв селезенки, три сломанных ребра, – а

также наложили до полуметра швов от ножа дикареныша. Наконец стараниями доктора Роусон состояние Сью стабилизировали. Моему бедному псу пришлось сделать переливание крови, что, вероятно, спасло ему жизнь. И в обозримом будущем он, судя по всему, будет находиться у Роусон.

Шэрон Роусон была ветеринаром, которого мне с десятков лет назад порекомендовал Пол. Она – ветврач от Бога, а еще руководит больницей для домашних питомцев, куда я таскаю всех своих подопечных. Лучшего специалиста нельзя и представить. В прошлом году Роусон наставляла меня в каждом моем шаге лечения почечной недостаточности Эми. Мы оба рыдали в ее кабинете, когда для моего милого спаниельчика больше уже ничего нельзя было сделать... и оставалось только принять решение. Доктору Роусон чуток за семьдесят, она седовласая – больше похожа на библиотекаря, чем на домашнего доктора, – и я замираю при мысли, что в один ужасный день она усадит меня в кресло и объявит, что уходит на покой и будет теперь сидеть днями в кресле-качалке, пить джин-тоник и глазеть на закаты.

Безусловно, эту ночь мы оба с ней запомним. Я знаю, что разбудил ее: телефон прозвонил десятков раз, прежде чем она взяла трубку, в то время как «Скорая» везла нас с Бекки в медицинский центр. И безотказная, верная доктор Роусон схватила свой саквояж, прыгнула в машину и помчалась в Бриджпорт.

В конце концов я задремал, в мыслях о Вире. Мне вспо-

миналось, как резко пошло в гору ее образование после того, как я подловил ее на исполнении моих команд на том курсе для новичков в Шаумбурге. Уже вскоре после этого Вира влилась в тренировочную команду, с которой я вел занятия по ориентации. Прошло немного времени, и мы уже приступили к самой сложной части – игровому поиску пахучих теннисных мячиков.

Вира отыскивала все, что я ей только предлагал, и охотно шла на большее.

Первое, что я узнал от разбудившего меня Хэнсона, – это что Ники Чампайн «поплыл» и сознался, как только ему сообщили о ночных находках в его жилище. Известие он воспринял тяжело и, пуская слезы из уцелевшего глаза, начал рассказывать, как все было. Тот дикареньш был его сыном от любимой сестры, которая двенадцать лет назад умерла при родах в ванне их дома-логова. Признаваться в инцесте им было стыдно, и они решили никому ничего не говорить, полагая, что смогут принять роды сами, как это делают в телешоу: накипятят воды, заготовят чистые полотенца и всякое такое.

На поверку оказалось, что сестра Чампайна никогда не покидала их жилища; даже после смерти она отдалилась от него всего на полсотни метров в каком-то самодельном гробу из фанеры и упокоилась в леске, занимавшем половину участка Чампайнов.

По словам Ники, ни одну из похищенных им девушек он

убивать не хотел, просто ни одна из них не оказалась достойной заменой его любовнице-сестре.

– Господи боже, – выдохнул я.

– Вот именно, – вздохнул Хэнсон.

– Погоди-ка. – Что-то не давало мне покоя. – Я ведь обошел весь дом, комнату за комнатой. Где, черт возьми, прятался тот зверенок?

– У них есть небольшой чердак – в основном балки стропил и утеплитель. Чампайн сделал там место, где его чадо могло прятаться, на случай если кто-нибудь заявится, когда его нет дома. В общем, Чампайн сделал там городушку из листов фанеры, а в ней – топчан, чтобы его отродье могло там сидеть, – сказал Хэнсон. – По его словам, малышу там нравилось, как в какой-нибудь крепости.

– А в потолке прихожей был люк наверх?

Хэнсон кивнул, и тогда я понял насчет тех вмятин в стенах: они сформировались от ударов ног отпрыска по гипсокартону, когда тот подтягивался в проем на чердак.

Меня обдало холодком. Дикареныш находился в каком-нибудь метре над моей головой, вслушиваясь, как я слышусь по коридору и разглядываю всякие там стенные вмятины и снимки. При открытом люке ему ничего не стоило бы полоснуть меня сверху по горлу своим тесаком.

Во второй раз детектив разбудил меня около пяти утра, когда у них с Марром наконец появилась возможность подбросить меня к моему пикапу. На обратном пути в Бридж-

порт Хэнсон сообщил, что бабка Чампайна страдала болезнью Альцгеймера и умерла в этом же доме шесть лет назад. Из-за страха лишиться дома, а заодно и сына Чампайн не стал уведомлять официальные инстанции. Тому была и еще одна причина: на текущий счет бабки продолжали поступать пенсия и пособия по старости, а к тому счету он имел совместный доступ.

* * *

– Про Виру я указал, будто мы ее усыпили, – прошептал Пол, хотя вокруг никого не было. – Так не будет никакого дерьма ни от копов, ни от суда.

Добравшись наконец до дома, я никак не мог заснуть. Пол же оказался настолько добр, что позже утром привел ко мне Виру. Стоило мне открыть дверь, как та влетела в мои объятия, чуть не опрокинув меня и улизав всего дочиста. После пяти минут бурной радости я наполнил Вире миску вкуснячим кормом, кусочками бекона и порядочным куском арахисового масла.

– Не знаю, как и благодарить тебя, дружище, – пожимая Полу руку, повторил я чуть ли не в седьмой раз.

– Да перестань. Ну а если кто спросит, скажи, что она просто очередной золотистый ретривер: ты же кинолог, мало ли

их у тебя... Назови ее Энджи, по песне «Стоунз»¹³.

– А что, классная вещь.

Пол посмотрел на Виру долгим взглядом.

– Ты думаешь, она учуяла на нем запах той бедной женщины? Кари Брокман?

– У собак в носу до трехсот миллионов обонятельных рецепторов. У людей, для сравнения, этих миллионов всего пять. А некоторые породы, вроде Виры, распознают мир в основном через обоняние.

– По-твоему, она учуяла на убийце ее запах?

– Может быть. – Я пожал плечами, чувствуя внезапную усталость. – Бог его ведает. В самом деле не знаю, что и думать.

¹³ «Энджи» (1973) – хитовая песня группы «Роллинг стоунз».

Глава 12

Я сидел рядом с тем местом, где год назад захоронил прах Эми, – на отлогом косогоре, метрах в двадцати за задней стенкой моего трейлера. Здесь много солнца, и моего родного спаниеля здесь окружало все, что было ему близко и дорого. Скучал я и по Сью, который теперь выздоравливал у доктора Роусон. Скорей бы уж моя овчарина вернулась домой, к своему главенству над всеми нами, простолюдинами.

Дом у меня, кстати, вовсе не маленький – три комнаты, знаменитая серия трейлеров без колес – и расположен на просторном лесистом участке в Лансинге, южном пригороде Чикаго. Этот дом я купил за год до того, как мы с Микки поженились. Одним из счастливейших дней в моей жизни был тот, когда я на руках внес ее сюда через порог. Ну а печальный, соответственно, тот, когда я помог ей съехать.

У нас с Микки любовь была еще со школы. Говорят, такие отношения непрочны, но не это разрушило наш брак. Я ее люблю, и это, похоже, навсегда, пусть даже она предъявила нашему семейному психологу целый список моих причуд и странностей, в то время как у меня на нее значилась всего одна.

Микки любила собак.

Звучит, понятное дело, странно при *моем* к ним отношении в плане и заработка, и подавляющей части досуга,

так что я это, пожалуй, перефразирую. Микки собаки всего лишь *нравились*. Хотя между «нравиться» и «любить» лежит пропасть величиной с Большой каньон. Черт возьми, собаки нравятся почти всем – ровно до тех пор, пока не приходится иметь дело с их какашками, ссанием, прорезыванием зубов, когда они вусмерть изгрызают ваши любимые вещи; назойливым лаем, драньем мебели, кусачими счетами от ветеринара, полуночными хождениями в туалет и черт знает чем еще.

Так что по жизни я усвоил одно: если мне все же выпадет когда-нибудь снова жениться, то непременно на ком-нибудь, кто собак действительно *любит*.

Кстати, о повторных узах: спустя месяц через общего знакомого я услышал о помолвке Микки и предстоящей свадьбе. В тот вечер я, понятно, принял лишку (что поделать, мужики так устроены) и, конечно же, поймал себя на том, что в предрассветный час набираю ее номер. Никаких «отлучек налево» мы на протяжении нашего брака не допускали – ни за мной, ни за Микки такого не водилось, – и тем не менее сейчас я был полон желчи, уксуса и изрядного запаса ненормативной лексики. Возможно, дело было в раннем часе, или она увидела, кто ей звонит, по определителю, но гудки длились, казалось, целую вечность. Вот-вот должен был включиться автоответчик, но тут Микки наконец взяла трубку.

– Привет, Мейс, – сказала она голосом скорее усталым, чем сердитым.

– Надеюсь, в этот черед тебе повезет больше, – после секундной паузы сказал я и положил трубку.

С тех пор мы не общались.

Шел четвертый день после того происшествия в бридж-портском логове. Мое заявление, при содействии детектива Хэнсона, вышло коротким и благозвучным: «Я прибыл туда первым. Дом казался пустым, но когда я приложил ухо к окну, мне показалось, что я слышу стон, как будто кто-то страдает от сильной боли. Я подумал, что это Бекки Грол или, может быть, Юнис Чампайн, и, зная, что подкрепление уже в пути, принял решение войти. Идя на звук стога, я попал в потайную комнату, находящуюся в подвале, и занимался освобождением Бекки Грол, когда на нас было совершено нападение».

Вряд ли Чампайн – убийца-серийщик – станет привлекать меня к суду из-за Виры: у него самого теперь проблемы с законом такие, что не развязаться. А мои старания проникнуться хоть каким-то сочувствием к сыну Чампайна – дикаренку, которому в жизни не оставалось иного шанса, кроме как попасть в водоворот безумия своих родителей – меркнут всякий раз, стоит мне вспомнить, что он выделял своим тесаком со Сю: поделом ему, засранцу. Что до Бекки Грол, то она теперь дома со своими родителями, и хотя пресса не докучает их семье своим вниманием, она таки стала медиа-персоной, учитывая то, как разделалась с одним из двух своих мучителей. При прощании в больнице Бекки меня креп-

ко обняла.

Полагаю, у семейства Грол я попал в список кандидатов на рождественскую открытку.

Лично я, к счастью, засветился в новостях всего лишь как *анонимный полицейский агент*. Меня это более чем устраивает – не только потому, что в любом телеинтервью я смотрюсь настолько неуклюже, что впору посостязаться с кем-нибудь из «Тупой и еще тупее»; но и, что более опасно, я мог увлечься и ненароком спалить Пола и детектива Хэнсона, а также – страшно вообразить – поставить Виру в первый ряд на смертельную инъекцию.

Я щелкнул крышечкой «Курс лайт» (пол-литра, а не ноль три) и погрузился в размышления, наблюдая, как по веранде сзади дома, между шезлонгами и столиком для пикника, бесцельно слоняются Дельта, Мэгги Мэй и Вира. Из двоих колли Мэгги сразу же взяла на себя роль приемной мамыши Виры, а Дельта – ее всезнающей тетушки. Сюю, понятное дело, был наполовину патриарх, а наполовину – комендант лагеря. Но сегодня мои собаки вели себя тихо. Своих девочек я возил к доктору Роусон навестить Сюю, но тот был напичкан снотворным и едва мог поднять голову, вслед за чем опять ушел в сон. Девочки понимали, что что-то произошло, и над всей троицей висело чувство печали.

Вира глянула в мою сторону и побрела ко мне. На пути она остановилась у того места, где я захоронил прах Эми; трава здесь выросла немного с другим оттенком нефрита. Вира

с чуть заметным движением, похожим на кивок, подошла и присела рядом со мной.

– Привет, Вирчик, – сказал я, притрагиваясь к ее макушке.

Мгновение спустя Вира уже была у меня на руках и, бойко вихляясь всем телом, облизывала мне лицо и старалась всячески подбодрить. Пришлось ее сдерживать, чтобы она не лизнула швы на моей шее.

Через минуту она успокоилась, и я переложил ее себе на колени.

– Безумная неделя, Вира... – Вздохнув, отхлебнул пива. – Совершенно безумная.

* * *

Как раз когда я вынимал цыпленка для гриля, подняли лай мои собаки, а затем я услышал, как к дому подъезжает машина. Случайные посетители у меня появляются редко, особенно после ухода Микки, и я отодвинул занавеску поглядеть, кто там пожаловал. За моим пикапом остановилась полицейская машина. Это был явно не Хэнсон – если только он за последние день-два не поменял пол, а также расу, потому как за рулем сидела белая женщина-полицейский.

Должно быть, что-то произошло и им нужны собаки-поисковики... Впрочем, эту мысль я немедленно отбросил. Посылать ко мне эскорт для прибытия полиция никогда не

утруждается. ЧУП просто звонит, а я пулей вылетаю на указанное место. Женщина-офицер вышла из машины. Молодая брюнетка, волосы средней длины, наверняка дружит со спортзалом, среднего роста и... я поймал себя на том, что пятерней провожу по своим лохмам; прихорашиваюсь, стало быть.

И тут до меня дошло. Я вспомнил, как Пол Льюис что-то болтал насчет женщины-копа, которая живо заинтересовалась Вирой после того, как еще щенком нашла ее живой в гараже, где какая-то пьяная мразь пыталась ее удушить. Пол сказал, что та дама готова забрать Виру, если за ней больше никто не придет. В считанные секунды я через раздвижную стеклянную дверь выпроводил свою троицу на задний двор: пускай побудут там.

– Сидеть здесь, – строго указал я им всем, но поглядел на Виру.

Было начало вечера: валяйся не хочу на солнышке или дремли под столом.

Секунду спустя я уже открывал входную дверь, надеясь, что наспех брызнутый дезодорант проявляет себя благим образом (надо было, наверное, еще и лицо сбрызнуть). На улицу я вышел с объяснениями, что, мол, горничная у меня приболела, и мы начали болтать под моим навесом.

– Красивый у вас бланш, – улыбочиво заметила она, представившись офицером Киппи Гимм и подтвердив подозрение, что именно она обнаружила тогда Виру в груди одеял и

подушек.

– Да вот, пригнуться забыл, – сконфузился я, поднося палец к месту над глазом, куда меня пнул дикареньш.

– Надеюсь, я вам не помешала? Просто хотелось спросить о той вашей собачке.

– О собаке? ЧУП усыпил ее после того, как она набросилась на Чампайна. Они даже не успели разобраться, что это она и поймала убийцу девушки.

Я чувствовал, что начинаю краснеть от собственного вранья: бездарный актеришка с репликами, комкающими диалог.

Офицер Гимм поглядела на меня, как на амебу под микроскопом, и сказала:

– Боже, какая жалость... Такая милая была девчурка. Я таких еще не встречала.

Я бессловесно кивнул, стараясь хоть как-то держать свое вранье в узде.

Офицер Гимм посмотрела на мой пикап, обвела взглядом двор.

– Значит, вы тренируете собак-поисковиков?

Я снова кивнул.

– А можно на них посмотреть?

– В целом можно, – нехотя сказал я. В мыслях у меня мелькнул поникший Пол Льюис в очереди безработных. Только пособий он не получал бы, потому что был бы уволен по статье. Я тоже потеряю свои приработки по городу и,

вероятно, закончу тем, что начну водить школьный автобус и развозить пищу, как Ники Чампайн. Я демонстративно, с расстановкой посмотрел на часы. – Так что в целом можно, но у меня через час в Линкольншире занятие по дрессуре.

– Не хочу вас задерживать. – Офицер Гимм тоже посмотрела на свои часы. – Может быть, я посмотрю на них как-нибудь в другой раз?

– Можно будет созвониться, и что-нибудь придумаем, – ответил я (господи, хоть бы она поскорей села в свою машину и уехала).

Она снова оглядела мой двор, а затем вопросительно посмотрела мне в глаза:

– Все в порядке?

– Абсолютно, – ответил я, изобразив удивление такому вопросу. При этом я предательски краснел лицом и неловко переминался с ноги на ногу, как школяр, ждущий переменку для рывка в сортир. – Просто уже слегка запаздываю.

Прошло несколько секунд, а она все не двигалась. У меня было ощущение, что я начинаю подтаивать.

Как-то в старших классах Микки обманом втянула меня в постановку «Мышьяк и старые кружева»¹⁴. Сама она, разумеется, играла одну из кровожадных старых тетушек, ну а я получил мелкую роль полисмена, который все болтает и болтает о пьесе, которую, дескать, написал. Все, кто участ-

¹⁴ «Мышьяк и старые кружева» (1939) – пьеса американского драматурга Дж. Кессельринга.

вовал в постановке, были очаровательны – играли точно в цель, оставались в образе, читали свои реплики с большим энтузиазмом – все, кроме меня. Стоило мне выйти на сцену и посмотреть в зал, откуда на меня глазели лица учеников, как я... застыл. Кто-то из-за сцены прошептал мою реплику, чтобы привести меня в чувство. Намек я понял, но стоял совершенно неподвижно, как ледяная скульптура, а потом пронесся сквозь свои реплики на такой скорости, что вся моя роль продлилась секунд пять. Или даже четыре.

Во время занавеса зрители хлопали громко и долго; однако когда к рампе, спотыкаясь, на поклон вышел я, аплодисменты заметно поредели, к тому же в них прорезались смешки.

После нынешнего представления в меня наверняка бросались бы яйцами и помидорами.

– Ну ладно. Я вам позвоню, чтобы еще раз заехать и посмотреть ваших собачек, – сказала наконец офицер Гимм. А обойдя машину к водительской двери, внезапно остановилась, заметив что-то сбоку моего дома. – Кто это?

Я поглядел в ту сторону. На дальнем углу тихо сидела Вира и глядела на офицера Гимм.

– Это Энджи, – выдавил я после неловкой паузы. Этому неожиданному аду не было конца и края. Мучительно хотелось взять и жахнуть лбом о стену моего трейлера.

– И тоже золотистый ретривер?

– Золотистые ретриверы – порода, из которой получают

исключительные поисковики останков, – сказал я напыщенным профессорским тоном. – У них очень острый нюх.

– Понятно, – отозвалась офицер Гимм, не сводя глаз с Виры.

Секунды тянулись с медлительностью тысячелетия. Очень соблазнительно сейчас было бы дать деру к лесу, остаться там и прожить всю оставшуюся жизнь в землянке, питаясь червями и кроликами.

– Значит, я проделываю весь этот путь сюда, – заговорила наконец Гимм, в упор глядя на Виру, – а ты даже не собираешься подойти и поздороваться? А? Медвежка!

На «медвежку» Вира подлетела как Супермен в мультике и через секунду была уже в руках Гимм, радостно нализывая ей лицо. Киппи Гимм опустилась на колени и обняла мою собаку.

– Я знала, что это ты, Медвежка. – Улыбка Киппи была шире Мичиганского озера. – Я знала, всю дорогу знала, что это будешь ты!

Глава 13

– Прошу прощения: соврал, – виновато улыбнулся я.

Хотя мы и сидели за моим кухонным столом, отчего-то казалось, что я сижу в директорском кабинете и жду прихода родителей.

– У тебя это не очень получалось, – непринужденно сказала Киппи. – Думала тебе об этом намекнуть, но уж очень забавно было наблюдать, как ты роешь себе ямку все глубже.

– Просто некоторые мои знакомые, включая Виру, могли бы нажать большие неприятности.

– Не волнуйся. – Киппи почесала Виру за ушами. – Хотя могу и пошантажировать: например, чтобы ты в следующий буран расчистил мне подъездную дорожку.

– Заметано.

Я налил кофе в чашку, пододвинул ее к Киппи и указал на миску с наперсточками сливок и пакетиками сахара, горсть которых с неделю назад прихватил из ближнего «Макдоналдса».

– Кстати, если ты поняла, что я лгу, значит, не так уж я и лгал.

– Конечно, котик, – ответила Киппи. – Как скажешь.

Мне понравилось, как Киппи назвала меня «котиком», – так тепло, по-свойски... Но тут же внутри ревниво кольнуло: она со мной так заигрывает или это словцо для нее в порядке

вещей и она использует его при общении с мужчинами каждый день? Не могу сказать, что сам я флиртую так уж часто, и уж тем более удачно. Мы и с Микки-то начали встречаться лишь после того, как она подослала свою лучшую подругу перемолвиться с одним из моих приятелей. И он скрупулезно сообщил мне, что сказала ему посланница от Микки: «Передай твердолобому, что Микки скажет “да”, если он когда-нибудь поднимет свою задницу и пригласит ее на танец».

Иногда парней – и прочих иных «твердолобых» – приходится водить за кольцо, вделанное в нос.

– Да здравствует Мейсон Райд! – воскликнула Киппи. – Ау, ты здесь или где?

– Извини, от обезболивающих башка слегка набекрень. – Вообще-то по выходу из больницы я не принимал ничего сильнее ибупрофена. Просто окунулся в глупые размышления после того, как Киппи назвала меня «котиком», и упустил ее последние слова. – Ты что-то сказала?

– Хотела поблагодарить за то, что ты пошел ради Виры на риск, спас ей жизнь.

– Да просто повезло, что Пол согласился. Иначе пришлось бы чертовски долго его уламывать.

– Мы могли бы пустить в ход мои наручники, если б я знала, что происходит.

После получашки кофе я рассказал Киппи о том, что произошло, когда Вира отыскивала на стройке тело Кари Брокман.

– Виру, конечно, собаченция каких поискать, но на что ты

намекаешь? – спросила Киппи. – Что у нее сверхъестественные способности?

Было приятно, что кто-то, проявляющий к Вире участие, озвучил это настолько мягко, что я не смотрелся явным сумасбродом... пусть и сумасбродом, но не настолько конечным.

– Понимаешь, я занимаюсь собаками всю свою жизнь. Я думал, что перевидал все. Не знаю, готов ли я погружаться в метафизику или что-то в этом роде... Но если, допустим, рассуждать о Вире так же, как рассуждают о людях, то на каждый миллиард фриков и напыщенных показушников действительно приходится хотя бы по одному настоящему вундеркинду. Как Эйнштейн или Моцарт. – Я почесал щеку. – Так почему такого же не может быть и у собак?

– А ты знаешь, что в ту ночь на Форест-Глен она проявила себя героинькой?

– Это как?

Основную часть той истории Киппи услышала от первой хозяйки Виры – женщины, которая жила с тем мерзавцем-алкашом. Она рассказала Киппи, что за ту неделю с небольшим, что щенок был у них, его больше интересовало, кто он, этот Грейнджер, чем он занимается; вместо того, чтобы хвостиком ходить за женщиной и ее сынишкой, собачонка наблюдала за ним – смотрела, принюхивалась, подглядывала, причем настолько пристально, что Грейнджер однажды пробурчал, будто эта мелкая сволочь за ним шпионит – мол-

ча заглядывает в душу и по-своему выведывает, что у него там на уме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.